

Федор Александрович Абрамов

«Пелагея»

Утром со свежими силами Пелагея легко брала полутораверстовый путь от дома до пекарни. По лугу бежала босиком, как бы играючи, полоща ноги в холодной травяной росе. Сонную, румяную реку раздвигала осиновой долбленкой, как утюгом. И по песчаной косе тоже шла ходко, почти не замечая ее вязкой, засасывающей зыби.

А вечером – нет. Вечером, после целого дня возня у раскаленной печи, одна мысль о возвратной дороге приводила ее в ужас.

Особенно тяжело давалась ей песчаная коса, которая начинается сразу же под угором, внизу у пекарни. Жара – зноем пышет каждая накалившаяся за день песчинка.

Оводы-красики беснуются – будто со всего света слетаются они в этот вечерний час сюда, на песчаный берег, где еще держится солнце. И вдобавок ноша – в одной руке сумка с хлебом, другую руку ведро с помоями роет.

И каждый раз, бредя этим желтым адищем – иначе не назовешь, – Пелагея говорила себе: надо брать помощницу. Надо. Сколько ей еще мучиться? Уж не такие это деньги большие – двадцать рублей, которые ей приплачивают за то, что она ломит за двоих-за троих...

Но так говорила она до той поры, пока пересохшими губами не припадала к речной воде. А утолив жажду и сполоснув лицо, она начинала уже более спокойно думать о помощнице. А на той стороне, на домашней, где горой заслоняет солнце и где даже ветерком слегка потягивает, к ней и вовсе возвращался здравый смысл.

Неплохо, неплохо иметь помощницу, рассуждала Пелагея, шагая по плотной, уже слегка отпотевшей тропинке вдоль пахучего ржаного поля. Худо ли – все пополам: и дрова, и вода. И тесто месить – не надо одной руки выворачивать. Да ведь будет помощница – будет и глаз.

А будет глаз – и помои пожиже будут. Не пабахтаешь в ведро теста – поопасешься. А раз не пабахтаешь, и борова на семь пудов не выкормишь.

Вот ведь она, помощница-то, каким боком выйдет. И поневоле тут поразмыслишь да пораскинешь умом...

У мостков за лыву – грязную осотистую озерину, в которой, отфыркиваясь, по колено бродила пегая кобыла с жеребенком, – Пелагея остановилась передохнуть. Тут всегда она отдыхает – и летом, и зимой, с сорок седьмого.

С той самой поры, как встала на пекарню. Потому что деревенская гора немалая – без отдыха не осилить.

На всякий случай ведро с помоями она прикрыла белым ситцевым платком, который сняла с головы, поправила волосы – жиденскую бесцветную кудельку, собранную сзади в короткий хвостик (нельзя ей показываться растрепой на люди – девья мать), – затем по привычке подняла глаза к черемухову кусту на горе – там, возле старой, прокоптелой бани, каждый вечер поджидает ее Павел.

Было время, и недавно еще, – не на горе, у реки встречал ее муж. А осенью, в самую темень, выходил с фонарем. Ставь, жена, ногу смело. Не упадешь. А уж по дому своему – надо правду говорить – она не знала забот.

И утром печь истопит, и корову обрядит, и воды наносит, а ежели минутка свободная выпадет, и на пекарню прибежит: на неделю-на две дров наготовит. А теперь Павел болен, с весны за сердце рукой хватается, и все – и дом, и пекарня, – все на ней одной. Глаза у Пелагеи были острые – кажется, это единственное, что не выгорело у печи, – и она сразу увидела: пусто возле куста, нету Павла.

Она охнула. Что с Павлом? Где Алька? Не беда ли какая стряслась дома?

И, позабыв про отдых, про усталость, она схватила с земли ведро с помоями, схватила сумку с хлебом и зонко-звонко зашлепала по воде шатучими жердинами, перекинутыми за лыву.

Павел, в белых полотняных подштанниках, в мягких валяных бурках, в стеганой безрукавке с ее плеча, – она терпеть не могла этого стариковского

вида! – сидел на кровати и, по всему видать, только что проснулся: лицо потное, бледное, мокрые волосы на голове скатались в косицы...

– На, господи, не вылежался! – выпалила она прямо с порога. – Мало ночи да дня – уже и вечера прихватываешь.

– Нездоровится мне ноне, – виновато потупился Павел.

– Да уж как ни нездоровится, а до угори-то, думаю, мог бы дойти. И сено, – Пелагея кивнула в сторону окошка за передком никелированной кровати, – срам людей с утра валяется. Для того я вставала ни свет ни заря? Сам не можешь – дочь есть, а то бы и сестрицу дорогую кликнул. Не велика барыня!

– День ангела у Онисьи сегодня.

– Большой праздник! Отпали бы руки, ежели бы брату родному пособила.

Хлопая пыльными, все еще не остывшими сапогами, которые плотнее обычного сидели на затекшей ноге, Пелагея оглянула комнату – просторную, чистую, со светлым крашеным полом, с белыми тюлевыми занавесками во все окно, с жирным фикусом, царственно возвышающимся в переднем углу. Взглядом задержалась на ярко-красном платье с белым ремешком, небрежно брошенном на стул возле комода, на котором сверкали новехонькие, еще ни разу не гретые самовары.

– А та где, кобыла?

– Ушла. Девка – известно.

– Вот как, вот как у нас! Сам весь день на вылежке, дочи дома не оследится, а матери хоть убейся. Одной мне надо...

Пелагея наконец скинула сапоги и повалилась на пол. Без всякой подстилки. Прямо на голый крашенный пол. Минут пять, а то и больше лежала она недвижно, с закрытыми глазами, тяжело, с присвистом дыша. Потом дыхание у нее постепенно выровнялось – крашенный пол хорошо вытягивает жар из тела, и она, повернувшись лицом к мужу, стала спрашивать его о домашних делах.

Самая главная и самая тяжелая работа по дому была сделана – Алька и корову подоила, и травы на утро принесла. Еще ей радость доставил самоварчик, который, поджидая ее, согрел Павел, – не все, оказывается, давил койку человек, справил свое дело и сегодня.

Она встала, выпила подряд пять чашек крепкого чаю без сахара – пустым-то чаем скорее зальешь жар внутри, потом приподняла занавеску на окне и опять посмотрела в огород. Лежит сено, целый день лежит, а ей уж не прибрать сегодня – отпали руки и ноги...

– Нет, не могу, – сказала она и снова повалилась на пол, на этот раз на ватник, услужливо разостланный мужем. – За вином-то ходил – нет? – спросила она немного погодя.

– Сходил. Взял две бутылки.

– Ну, то ладно, ладно, мужик, – уже другим голосом заговорила Пелагея. – Надо вино-то. Может, кто зайдет сегодня. Много ноне вина-то закупают?

– Закупают. Не все еще уехали к дальним сенам. Петр Иванович много брал. И белого и красного.

– Как уж не много, – вздохнула Пелагея. – Большие гости будут. Антонида, говорят, приехала, ученье кончила. Не видал?

– Нет.

– Приехала – поминал даве начальник орс. Из района, говорит, на катере вместе с военным ехала, с офицером, – вроде как на природу поинтересоваться захотела. А какая природа? Жениха ловит, взамуж выскочить поскорее хочет. – Пелагея помолчала. – А тебе уж ничего не говорил? Не звал на чашку чая?

Павел пожал плечами.

– Вишь вот, вишь вот, как время-то бежит. Бывало, какое угощение у Петра Ивановича обходилось без нас? А теперь Павел да Пелагея не в силе – не нужны.

– Ладно, – сказал Павел, – у нас у сестры праздник. Была даже – звала.

– Нет уж, не гостья я ноне, – строго поджала губы Пелагея. – Рук-ног не чую – какие мне гости?

– Да ведь обида ей будет. День ангела у человека... – несмело напомнил Павел.

– А уж как знает. Не подыхать же мне из-за ешного ангела.

Как раз в эту минуту на крыльце зашаркали шаги, и – легка же на помине! в избу вошла Анисья.

Анисья была на пять лет старше своего брата, но здоровьем крепкая, чернобровая, зубы белые, как репа, и все целехоньхи – не скажешь, что ей за пятьдесят.

Замуж Анисья выходила три раза. Первого мужа, от которого у нее был ребенок, умерший еще до года, убили на войне. Со вторым мужем ей пришлось расстаться в сорок шестом году, когда она попала в заключение (сноп жита унесла с поля). А третий муж – из вербованных, приехавший на лесозаготовки с Рязанщины (она его больше всех любила) – пропил у нее все до нитки, избил на прощанье и укатил к законной жене. После этого она уж больше семейного счастья не пыталась. Жила вольно, мужиков от себя не отпихивала – но и близко к сердцу не подпускала.

Брата своего Анисья не то что любила – обожала: и за то, что он был у нее единственный, да к тому же хворый, и за то, что по доброте да по тихости своей никогда, ни разу не попрекнул ее за беспутную жизнь. Ну, а перед невесткой, женой Павла, – тут прямо надо говорить – просто робела. Робела и терялась, так как во всем признавала ее превосходство. Домовита – у самой Анисьи никогда не держалась копейка в руках, – жизнь загадывает вперед и в женском деле – камень.

Провожая мужа на войну – а было ей тогда девятнадцать лет, – Пелагея сказала: "На меня надейся. Никому не расчесывать моих волос, кроме тебя". И как сказала, так и сделала: за всю войну ни разу не переступила порог клуба.

И, сознавая превосходство невестки, Анисья всякий раз, когда разговаривала с нею, напускала на себя развязность, чтобы хоть на словах стать вровень. Так и сейчас.

– Чего лежишь? – сказала Анисья. – Вставай! Вино прокиснет.

– Все ты со своим вином. Не напилась.

– Да ведь как. В такой день насухо! – Анисья кивнула брату. – Давай, давай – подымай жену. И сам одевайся.

Павел потупился. Анисья по-свойски взялась за его брюки, висевшие на спинке кровати.

– Не тронь ты его, бога ради! – раздраженно закричала Пелагея. – Человек не в здравье – не видишь?

– Ну тогда хоть ты пойдем.

– И я не пойду. Лежу как убитая. Еле ноги из заречья приволокла. Меня хоть золотом осыпь – не подняться. Нет, нет, спасибо, Онисья Захаровна. Спасибо на почести. Не до гостей нам сегодня.

Анисья растерялась. По круглому румяному лицу ее пошли белые пятна.

– Да что вы, господи! Самая близкая родня... Что мне люди-то скажут...

– А пуцай это хоть, то и говорят, – ответила Пелагея. – Умный человек не осудит, а на глупого я век не рассчитываю. – Затем она вдруг посмотрела на Анисью своими сухими строгими глазами, приподнялась на руке. – Ты когда встала-то нынче? А я встала, печь затопила, траву в огороде выкосила, корову подоила, а пошла за реку – ты еще кверху задницей, дым из трубы не лезет. Вот у тебя на щеках и зарево.

– Да разве я виновата?

– А я на пекарню-то пришла, – продолжала выговаривать Пелагея, – да другую печь затопила – одно полено в сажень длины, – да воды тридцать ведер подняла, да черного хлеба сто буханок палила, да еще семьдесят белого. А уж как я у печи-то стояла да жарилась, про то я не говорю. А ты на

луг-то спустилась, грабелками поиграла – слышала я, как вы робили, за рекой от ваших песен стекла дрожали – да не успела пот согнать – машинка: фыр-фыр. Домой поехали... – Пелагея перевела дух, снова откинулась на фуфайку, закрыла глаза.

Павел, избегая глядеть на сестру, примирительно сказал:

– Тяжело. Известно дело – пекарня. Бывал. Знаю.

– Дак уж не придете? – дрогнувшим голосом спросила Анисья. – Может, я не так приглашаю? – И вдруг она старинным, поясным поклоном поклонилась брату: – Брателко, Павел Захарович, сделай одолжение... Пелагея Прокопьевна...

Пелагея замахала руками:

– Нет, нет, Онисья Захаровна! Премного благодарны. И сами никого не звали, и к другим не пойдем. Не можем. Лежачие.

Больше Анисья не упрашивала. Тихо, с опущенной головой вышла из избы.

– Про людей вспомнила! – хмыкнула Пелагея, когда под окошком затихли шаги. – "Что люди скажут?" А то, что она за каждые штаны имается, про то не скажут?

– Что уж, известно, – сказал Павел. – Не везет ей. А надо бы маленько-то уважить. Сестра...

– Не защищай! Сама виновата. По заслугам и почет...

Павел на это ничего не ответил. Лег на кровать и мокрыми глазами уставился в потолок.

Таких домов, как дом Амосовых, теперь уж не строят.

Да и раньше, до войны, не много было в деревне.

Великан дом. Двухэтажный шестистенок с грудастым коньком на крыше, большой двор с поветью и сенником и сверх того еще боковая изба-зимница.

Вот с этой-то боковой избы-зимницы и начали разламывать дом – ее в сорок шестом году отхватила старшая сноха (у Захара Амосова четыре было

сына, и только один из них, Павел, вернулся с войны). Затем потребовала своей доли вторая сноха – раскатали двор. И, наконец, последний удар нанесла Пелагея, решившая заново строиться на задах. По ее настоянию шестистенок разрубили пополам, и старого дома-красавца не стало...

Безобразная хоромина, напоминающая громадный бревенчатый аналой, стоит на его месте. В непогоду скрипит, качается, несмотря на то, что с двух сторон подперта слагами, а зимой еще хуже: суметы снега набивает в сени, кое-как прикрытые сзади старыми тесницами, и Анисья всю зиму держит в избе деревянную лопату.

И все-таки что там ни говори, а весело на Анисьиной верхотуре (нижняя изба, доставшаяся третьей снохе, заколочена), и Алька любила бывать у тетки.

Высоко. Вольготно. Ласточки у самого окошка шныряют. И все видно. Видно, кто идет-едет по деревенской улице, по подгорью, видно, как весной, в половодье, большие белопалубные пароходы выплывают из-за мыса.

А кроме того, у тетки всегда люди – не то что у них на задворках. Бабы тащатся из лавки – кому похвастаться покупкой? Тетке. Рабочие на выходной пришли из заречья – где посидеть за бутылкой? У тетки. Все к тетке – и проезжая шоферня, и свой брат колхозник-пьяница, и даже военные без году неделя как понаехали, а к тетке дорожку уж протоптали.

В этот праздничный вечер Альку так и кидало из избы на улицу, с улицы в избу. Хотелось везде ухватить кусок радости – и у тетки, и на улице, где уже начали появляться первые пьяные.

– Ты ведь уже не маленькая сломя-то голову летать, – заметила ей Анисья, когда та – в который уже раз за вечер! – вбежала в избу.

– А, ладно! – Алька вприпрыжку, козой перемахнула избу, вонзилась в раскрытое настежь окошко. Самое любимое это у нее занятие – оседлать подоконник да глазеть по сторонам.

Вдруг Алька резко подалась вперед, вся вытянулась.

– Тетка, тетка, эвон-то!

– Чего еще высмотрела?

– Да иди ты, иди скорей! – Алька захохотала, заерзала на табуретке.

Анисья, наставлявшая самовар у печи, за занавеской, подошла к ней сзади, вытянула шею.

– А, вон там кто, – сказала она. – Подружки.

Подружками в деревне называли Маню-большую и Маню-маленькую. Две старухи бобылки. Одна медведица, под потолок, – это Маня-маленькая. А другая-ветошная, рвань-старушонка, да, как говорится, себе на уме.

Потому и прозвище – большая. К примеру, пенсия. Дождется Маня-большая этого праздника – сперва закупит чаю, сахару, крупы, буханок десять хлеба, а потом уж пропивает что останется. А Маня-маленькая не так. Маня-маленькая, как зубоскалили в деревне, жила одну неделю в месяц – первую неделю после получки пенсии. Тут уж она развертывалась: и день, и ночь шлепала в своих кирзовых сапожищах по улице, да с песнями, от которых стекла лопались в рамах. А потом Мани-маленькой не видно и не слышно было три недели. Холодная печь, три кота голодных вокруг да уголь на бруске, которым она отмечала на потолке оставшиеся до получки дни.

Подружки стояли посреди пыльной улицы, по которой только что прогнали колхозное стадо. Маня-маленькая невозмутимо, в своем всегдашнем синем платке, повязанном спереди наподобие двускатной крыши, а Маня-большая, задрав кверху голову и слегка покачиваясь, что-то втолковывала ей, для убедительности размахивая темным пальцем у нее под носом.

– Чего-то вот тоже маракуют меж собой, – усмехнулась Алька.

– Люди ведь, – сказала Анисья.

– Манька-то маленькая вроде не в духе. Горло, наверно, сухое.

– С чего быть не сухому-то. У ей самая трезвость сичас. Это та хитрюга с толку сбивает. Вишь ведь, пальцем-то водит. Наверно, траву подговаривает продать.

– Какую? – Алька живо обернулась к тетке. – Это в огороде-то котора?
Надо бы маме сказать. Сейчас за винище-то она дешево отдаст.

– Ладно, давай – чего старуху обижать. Не сейчас надо торговать.

– Тетка, – сказала немного погодя Алька, – я позову их?

– Да зачем? Мало они сюда бродят?

– Да ведь забавно! Со смеху помрешь, когда они начнут высказываться.

Анисья не сразу дала согласие. Не для них, не для этих гостей готовилась она сегодня – в душе она все еще надеялась, что невестка одумается – придет, а с другой стороны, как отказать и Альке? Пристала, обвила руками шею – лед крещенский растает.

Первой вспорхнула в избу Маня-большая, – легкая, в пиджачонке с чужого плеча, в мятых матерчатых штанах в белую полоску, женского – только платок белый на голове да платье поверх штанов, а Маня-маленькая в это время еще бухала своими сапожищами по крутой лестнице в сенях. В дверях согнулась пополам. Затем, перешагнув за порог, начала отвешивать поклоны в красный угол.

– Давай не в монастырь пришла, – съязвила Маня-большая, намекая на давнишнее прошлое своей товарки, когда та стирала на монахов.

– А что? – пробасила Маня-маленькая. – И не в сарай.

– Дура слепая! В углу-то у ей Ленин.

Алька захохотала.

– Ничего, – все так же невозмутимо ответила Маня-маленькая. – Власти от бога.

– Верно, верно, Егоровна, – сказала из-за занавески Анисья. – Пензию-то вам не бог платит. Проходите к столу.

– А стол-то у тебя не шатается, Ониса? Нет? – спросила с галюком Маня-большая.

– У тебя в глазах шатается, – усмехнулась Алька.

Тут с улицы донеслось чиханье и фырканье мотоцикла, и она быстрехонько вскочила на табуретку у окна. При этом шелковое, в красную

полоску платяе сильно натянулось сзади, и белая ядреная нога открылась поверх чулка.

– Алька, – любопытствовала Маня-большая, – какакое у тебя там приспособление? Под самый зад чулок заправляешь.

– Пояс. Неуж не видала? – Алька удивленно выгнула круглую бровь – бровями она была в тетку, – спрыгнула с табуретки, приподняла подол платяа.

– Ловко! – одобрительно цокнула языком Маня-большая.

– Како тако поесе под платьем? – Маня-маленькая, близоруко шуря и без того узкие монгольские глаза, вытянула шею. – Нуто те – трусики.

– Трусики! Печь бестолковый! Вот где у меня трусики-то. Смотри! – И Алька со смехом оттянула тугой розовый пояс.

– Тоже кабыть шелковые, – пробурчала Маня-маленькая.

– Я вся шелковая, – хвастливо объявила Алька и, придерживая руками подол платяа, игриво повернулась на высоких каблуках.

– Алька, Алька, бесстыдница! – крикнула из-за занавески Анисья, – Разве так баско?

– А чего не баско-то? Не съедим.

– Нельзя так. Она еще ученица, – сказала Анисья и строго посмотрела на Маню-большую.

– Ученица! Нынешняя ученица – знаем: рукой по парте водит, а ногой парня ищет. Алька! Кого я вчерась видела – огороду с солдатом подпирает?

Алька нахмурилась:

– Ври, вралья! Буду я с солдатом. Я с солдатом-то близко никогда не стаивала.

– Ну, тогда с золотыми полосками. Так?

Против этого Алька возражать не стала.

– Вишь ведь, вишь ведь, – опять зацокала языком Маня-большая, – кровь в ей ходит! А колобашки-то! Колобашки-то! Колом не прошибешь!

– Хватит, хватит, Архиповна. Я отродясь таких речей не люблю.

– И я не люблю, – подала свой голос Маня-маленькая. – У ей все срам на языке. Я тоже девушка.

Тут Алька от смеха повалилась грудью на стол. А у Мани-большой так и запыхал левый глаз зеленым угарным огнем – верная примета, что где-то уже подзаправилась.

И поэтому Анисья, не дожидаясь самовара, вынесла закуску – звено докрасна зажаренной трески, поставила на стол четвертинку – поскорее бы только выпроводить такую гостью,

– Пейте, кушайте, гости дорогие.

– Тетка сегодня именинница, – сказала Алька, вытирая слезы.

– Разве? – У Мани-большой от удивления оттянулась нижняя губа. – А чего это брата с невесткой нету?

– Не могут, – ответила Анисья. – Прокопьевна на пекарне ухлопалась – ни ногой, ни рукой пошевелить не может. А сам известно какой – к кровати прирос.

Маня-большая ухмыльнулась.

– Матреха, – закричала она на ухо своей глуховатой подружке, – мы кого сейчас видели?

– Где?

– У Прошичей на задворках.

– О-о! Нуто те – Павел Захарович с женой. В гости направились. У Павла сапоги свиркают – при мне о третьем годе покупал, и сама на каблучках, по-городскому... Богатые...

Больше полугода готовилась Анисья к этому празднику. Все, какие деньги заводились за это время, складывала под замок. Сама, можно сказать, на одном чаю сидела. А стол справила – пальцев не хватит на руках все перемены сосчитать.

Три рыбы: щука свежая, речная, хариусы – по фунту каждый, семга; три каши, три киселя; да мясо жирное, да мясо постное – нельзя Павлу жирного есть; да консервы тройные.

И вот сердце загорелось – все выставила. Натe, лопаите! Пускай самые распоследние гости стравят, раз свои побрезговали. Правда, звено красной – три дня мытарила за него на огороде у Игнашки-денежки – она сперва не вынесла. А потом, когда опоясала с горя второй стакан, и семгу бросила на потраву...

Не стесняясь чужих людей, она безутешно плакала, как малый ребенок, потом вскакивала, начинала лихо отплясывать под разнобойное прихлопыванье старушечьих рук, потом опять хваталась за вино и еще пуще рыдала...

Маня-большая, как кавалер, лапала раскрасневшуюся Альку. Та со смехом отпихивала ее от себя, била по рукам и под конец пересела к Мане-маленькой, которая низким, утробным голосом выводила свою любимую "Как в саду при долине...".

Вдруг Анисье показалось – в руках у Альки рюмка.

– Алька, Алька, не смей!

– Тетка, мы траву спрыскиваем. Я траву у Мани-маленькой торгую.

– Траву? – удивилась Анисья. И махнула рукой: а, лешак с вами! Мне-то что.

– Да я не обманываю, Онисья, – с обидой в голосе заговорила Маня-маленькая. – Когда я обманывала? У меня трава-то чистый шелк.

Алька начала трясти ее темную пудовую руку. К ним потянулась Маня-большая.

– Ну-ко, я колону. Может, и мне маленько отколется. Отколется, Матреха?

– Куда от тебя денешься? Выманишь...

Маня-большая, довольная, подмигивая, закурила, а Маня-маленькая опять зарокотала:

– Травка-то у меня хорошая, девка. Надо бы до осени подождать. В травке-то у меня котанушки любят гулять...

– Да твоим котанушкам по выкошенному-то огороду еще лучше гулять, – сказала Алька.

– Нет, не лучше. Травки-то им надо. Они из травки-то птичек выглядывают...

Маня-маленькая тяжело покачала головой и, обливаясь горячими слезами, затрубила на всю избу:

- *На мою на могилку,*
- *Знать, никто не*
придет.
- *Только раннею весною*
- *Соловей пропоет...*

Ее стала утешать Маня-большая:

– Давай дак не стони. Расстоналась... Вон к Ониске и брат родной не зашел... В рожденье...

– Не трожь моего брата! – Тут к Анисье сразу вернулись трезвость. Она изо всей силы стукнула кулаком по столу, так, что посуда зазвенела. – Знаю тебя. Хочешь клин меж нас вбить. Не бывать этому!

– Алевтинка! Чего это она! Какая вожжа под хвост попала?

– А ну вас! – рассердилась Алька. – Натрескались. Одна белугой воеет, другая чашки бьет.

Окончательно пришла в себя Анисья несколько позже, когда в избу вломились празднично разодетые девки в сопровождении трех военных.

Тот, у которого на плечах были золотые полосы, быстрыми блестящими глазами обежал избу, воскликнул, подмигивая Мане-большой (за хозяйку принял):

– Гуляем, тетушки?

– Маленько, товарищ... Старухи пенсионерки... – Маня-большая икнула для солидности. – Советская власть... Крепи оборону... Правильно говорю, товарищ?

– Уполне, – в тон ей ответил офицер, затем стал со всеми здороваться за руку.

– По-нашему, товарищ, – одобрила его Маня-большая и, повернувшись к Анисье, круто распорядилась: – А ты чего глаза вылупила? Не знаешь, как гостей принимают?

Место им досталось неважное – с краю, у комода, и не на стульях с мягкой спиночкой, а на доске-скрипучей полатнице, положенной на две табуретки.

Но Пелагея и этому месту была рада. Это раньше, лет десять-двенадцать назад, она бы сказала: нет, нет, Петр Иванович! Не задвигай меня на задворки. На задворках-то я и дома у себя насажусь. А я хочу к оконышку поближе, к свету, чтобы ручьем в оба уха умные речи текли. Да лет десять-двенадцать назад и напоминать бы не пришлось хозяину – сам стал бы упрашивать. А она бы еще так и покуражилась маленько.

Но ведь то десять-двенадцать лет назад! Павел тогда бригадир, самой ей в рот каждый смотрит – не перепадет ли буханка лишняя. А теперь незачем смотреть, теперь в магазинах хлеб не выводится. А ведь какова цена хлебу – такова и пекарихе. На что же тут обижаться?

Спасибо и на том, что вспомнил их Петр Иванович.

Когда от Петра Ивановича прибежал мальчик с записочкой, они с Павлом уже ложились спать. Но записочка ("Ждем дорогих гостей") сразу все изменила.

Петр Иванович худых гостей не позовет, не такой он человек, чтобы всякого вином поить. Перво-наперво будут головки: председатель сельсовета да председатель колхоза, потом будет председатель сельпо с бухгалтером, потом начальник лесопункта – этот на особицу, сын Петра Ивановича у него служит.

Потом пойдет народ помельче: пилорама, машина грузовая, Антоха-кошох, но и без них, без шаромыг, шагу не ступишь. Надо, скажем, дом перекрыть – походишь, поклоняешься Аркашке-пилорамщику. А конюха

взять. Кажись, теперь, в машинное время, и человека бесполезнее его нету. А нет, шофер шофером, а конюх конюхом. Придет зима да прижмет с дровами, с сеном – не Антохой, Антоном Павловичем назовешь.

Антониду с Сергеем, детей Петра Ивановича, они за столом уже не застали: люди молодые – чего им томиться в праздник в духоте?

Хозяйка, Марья Епимаховна, потащила было Пелагею на усадьбу – летнюю кухню показывать, – да она замотала головой: потом, потом, Марья Епимаховна. Ты дай мне сперва на людей-то хороших досыта насмотреться да скатерть-самобранку разглядеть.

Стол ломился от вина и яств. Петр Иванович все рассчитал, все усмотрел. Жена директора школы белого не пьет – пожалуйста шампанского, Роза Митревна. Лет десять, наверно, а то и больше темная бутылка с серебряным горлышком пылилась в лавке на полке – никто не брал, а вот пригодилась: спотешила себя Роза Митревна, обмочила губочки крашенные...

Петр Иванович всю жизнь был для Пелагеи загадкой.

Грамоты большой нету, три зимы в школу ходил, должности тоже не выпало – всю жизнь на ревизиях: то колхоз учитывает, то сельпо проверяет, то орс, а ежели разобраться, так первый человек на деревне. Не обойдешь!

И руки мягкие, век топора не держали, а зажмут – не вывернешься.

В сорок седьмом году, когда Пелагея первый год на пекарне работала, задал ей науку Петр Иванович. Пять тысяч без мала насчитал. Пять тысяч! Не пятьсот рублей.

И Павел тогда считал-считал, до дыр бумаги вертел – с грамотой мужик, и бухгалтерша считала-пересчитывала, а Петр Иванович как начнет на счетах откладывать не хватает пяти тысяч, и все. Наконец Пелагея, не будь дурой, бух ему в ноги: выручи, Петр Иванович! Не виновата. И сама буду век бога за тебя молить, и детям накажу. "Ладно, говорит, Пелагея, выручу. Не виновата ты – точно. Да я, говорит, не для тебя это и сделал. Я, говорит, той бухгалтерше урок преподавал. Чтобы хвост по молодости не подымала". И как сказал – так и сделал.

Нашлись пять тысяч. Вот какой человек Петр Иванович!

Самым важным, гвоздевым гостем сегодня у Петра Ивановича был Григорий Васильевич, директор школы.

Его пуще всех ласкал-потчевал хозяин. И тут голову ломать не приходилось – из-за Антонида, Антонида в школе служить будет – чтобы у нее ни камня, ни палки под ногами не валялось.

А вот зачем Петр Иванович Афоньку-ветеринара отличает, Пелагее было непонятно. Афонька теперь не велика шишка, не партийный секретарь, еще весной сняли, шумно сняли, с прописью в районной газетке, и когда теперь вновь подыметя?

А в общем, Пелагея недолго ломала голову над Афонькой. До Афоньки ли ей, когда кругом столько нужных людей! Это ведь у Сарки-брюшины, жены Антохи-конюха (вот с кем теперь приходится сидеть рядом!), никаких забот, а у нее, у Пелагеи, муж больной – обо всем надо самой подумать.

И вот когда председатель сельсовета вылез из-за стола да пошел проветриться – и она вслед за ним. Встала в конец огорода – дьявол с ним, что он, лешак, рядом в нужнике ворочается, зато выйдет – никто не переймет.

А перенять-то хотели. Кто-то вроде Антохи-конюха – его, кажись, рубаха белая мелькнула – выбегал на крыльцо.

Да, верно, увидел, что его опередили, – убрался.

Ну и удозорила – и о сене напомнила, и об Альке словцо закинула. С сеном – вот уж не думала – оказалось просто. "Подведем Павла под инвалидность, как на колхозной работе пострадавши. Дадим участок".

А насчет Альки, как и весной, о первом мае, начал крутить:

– Не обещаю, не обещаю, Пелагея. Пушай поробит годик-другой на скотном дворе. Труд – основа...

– Да ведь одна она у меня, Василий Игнатьевич, – взмолилась Пелагея. – Хочется выучить. Отец малограмотный, я, Василий Игнатьевич, как тетера темная...

– Ну, ты-то не тетера.

– Тетера, тетера, Вася (тут можно и не Василий Игнатьевич), голова-то смалу мохом проросла (наговаривай на себя больше: себя роняешь – начальство поднимаешь).

Председатель – кобелина известный – потянул ее к себе. Пелагея легонько, так, чтобы не обидеть, оттолкнула его (не дай бог, кто увидит), шлепнула по жирной спине.

– Не тронь мое костье. Упаду – не собрать.

– Эх, Полька, Полька... – вздохнул председатель. – Какие у тебя волосы раньше были! Помнишь, как-то на вечерянке я протащил тебя от окошка до лавки? Все хотелось попробовать – выдержат ли? Золото – не косу ты носила.

– Давай не плети, лешак, – нахмурилась Пелагея. – Кого-нибудь другого таскал. Так бы и позволила тебе Полька...

– Тебя! – заупрямился председатель.

– Ну ладно, ладно. Меня, – согласилась Пелагея.

Чего пьяному поперек вставать.

И вдруг почувствовала, как слегка отпотели глаза – слез давно нет, слезы у печи выгорели. Были, были у нее волосы. Бывало, из бани выйдешь – не знаешь, как и расчесать: зубья летят у гребня. А в школе учитель все электричество на ее волосах показывал. Нарвет кучу мелких бумажек и давай их гребенкой собирать...

Пелагея, однако, ходу воспоминаниям не дала – не за тем дожидалась этого борова, чтобы вспоминать с ним, какие у нее волосы были. И она снова повернула разговор к делу. Легко с пьяным-то начальством говорить: сердце наскрозь видно.

– Ладно, подумаем, – проворчал сквозь зубы председатель (головой-то, наверно, все еще был на вечерянке).

А потом – как в прошлый раз: "Отдай за моего парня Альку. Без справки возьмем". Да так пристал, что она не рада была, что и разговор

завела. Она ему так и эдак: ноне не старое время, Васенька, не нам молодое дело решать. Да и Алька какая еще невеста – за партой сидит...

– Хо, она, может, еще три года будет сидеть.

(Альке неважно давалось ученье: в двух классах по два года болталась.)

Потом в психи ударился, в бутылку полез:

– А-а, тебе мой парень не гленется?

– Гленется, гленется, Василий Игнатьевич.

Тут уж Васей да Васенькой, когда человек в кураж вошел, называть не к чему. А сама подумала: с чего же твой губан будет гленуться? Ведь ты и сам не ягодка. Тоже губами – Помню, не забыла, как до моей косы на вечерянках добирался.

На ее счастье, в это время на крыльце показался Петр Иванович (хозяин – за всеми надо углядеть), и она, подхватив председателя, повела его в комнаты.

Так под ручку с советской властью и заявила – пускай все видят. Рано ее еще на задворки задвигать.

И Петр Иванович тоже пускай посмотрит да подумает – умный человек!

А в комнатах в это время все сгрудились у раскрытых окошек – молодежь шла мимо.

– Пелагея, Пелагая! Алька-то у тебя...

– Апельсин! – звонко щелкнул пальцами Афонька-ветеринар.

– Вот как, вот как она вцепилась в офицера! Разбирается, ха-ха! Небось не в солдата...

– Мне, как директору, такие разговоры об ученице...

– Да брось ты, Григорий Васильевич, насчет этой моральности...

– Гулять с ученицей неморально, – громко отчеканил Афонька, – но которая ежели выше средней упитанности...

Тут, конечно, все заржали – весело, когда по чужим прокатываются, – а Пелагея не знала, куда и глаза девать.

Сука девка! Смалу к ней мужики льнут, а что будет, когда в года войдет?

Петр Иванович, спасибо, сбил мужиков с жеребятины, Петр Иванович налил стопки, возгласил:

– Давайте, дорогие гости, за наших детей.

– Пра-виль-но-о! Для них живем.

– От-ста-вить!

Афонька-ветеринар. Чего еще цыган черный надумал?

Вот завсегда так: люди только настроятся на хороший лад, а он глазищи черные выворотит – обязательно поперек.

– Отставить! – опять заорал Афонька и встал. – За нашу советскую молодежь!

– Пра-виль-но!

– За молодежь, Афанасий Платонович.

– От-ста-вить! Разговорчики!

Да, вот так. Встанет дьявол поджарый и качнет сквозь зубы команды подавать, как будто он не с людьми хорошими разговаривает, а у себя на ветеринарном участке лошадей объезжает.

– За всемирный форум молодежи! За молодость нашей планеты!

Вот и сказал! Начали было за детей, а теперь незнамо и за что.

– Пить – всем! – опять скомандовал Афонька. Черной головней мотнул, как ворон крылом. Глазами не посмотрел – прошагал по столу и вдруг устался на Павла – Павел один не поднял рюмку.

– Афанасий Платонович, – заступилась за мужа Пелагея, – ему довольно, у него сердце больное.

– Я на-ста-иваю!

Подбежал Петр Иванович: не тяни, мол, соглашайся.

А тот ирод как с трибуны:

– Я прыщипально!

– Да выпей ты маленько-то, – толкнула под локоть мужа Пелагея и тихо, на ухо добавила: – Ведь он не отстанет, смола. Разве не знаешь? Да выпей, кому говорят! – уже рассердилась она (Афонька стоит, Петр Иванович в наклон). – Сколько тебя еще упрашивать? Люди ждут.

Павел трясущейся рукой взялся за рюмку.

– Ура! – гаркнул Афонька.

– Ур-рра-а! – заревели все.

Потом был еще «посошок» – какой же хозяин отпустит гостей без посошка в дорогу, – потом была чарка "мира и дружбы" – под порогом хозяин обносил желающих, – и только после этого выбрались на волю.

На крыльце кого-то потянуло было на песню, но Афонька-ветеринар (вот где пригодилась его команда) живо привел буяна в чувство:

– Звук! Пей-гуляй – не рабочее время. А тихо, тихо у меня!

Следующий заход был к председателю лесхимартели, человеку для Пелагеи, прямо сказать, бесполезному. По крайности за все эти годы, что она пекарем, ей ни разу не доводилось иметь с ним дела, хотя, с другой стороны, кто знает, как повернет жизнь. Сегодня он тебе ни к чему, а завтра, может, он-то и встанет на твоей дороге.

В общем, не мешало бы и к председателю лесхимартели сходить. Но что подделаешь – Павел совсем раскис к этому времени, и она, взяв его под руку, повела домой.

– Летнюю-то кухню видел у Петра Ивановича? Сама говорит: рай. Все лето жары в доме не будет.

Павел ничего не ответил.

Пелагея рассказала мужу о своем разговоре с председателем сельсовета насчет сена и справки. При этом она не очень-то огорчалась, что председатель опять крутил насчет справки. Альке учиться еще год – в восьмой класс осенью пойдет, – и за это время можно найти ходы. Есть у нее кое-какая зацепка и в районе. Хоть тот же Иван Федорович из райисполкома.

После войны сколько раз она выручала его хлебом – неужто ее добро не вспомнит?

Пелагею сейчас занимало другое – та загадка, которую задал ей Петр Иванович. Три года их в забвении держал, а сегодня позвал – с чего бы это?

Сама она ему не нужна, рассуждала Пелагея, это ясно.

Кончилось ее времечко – кто же нынче станет пекариху обхаживать? Давно люди набили хлебом брюхо. Может, на Альку виды имеет?

Слыхала она, что Сергей Петрович на ее дочь глаза пялит, и намекни ей Петр Иванович: так и так, мол, Пелагея, рановато мы с тобой компанию оборвали, кто знает, еще как жизнь-то распорядится, – да разве бы она не поняла?

Не намекнул.

Она думала: при прощанье шепнет. И при прощанье не шепнул. "Благодарю за уважение. Благодарю". И все.

Иди, ломай себе голову.

Непонятым, подозрительным теперь казалось Пелагее и то, что позвали их к Петру Ивановичу второпях, когда все гости уже были в сборе. Неужто это не от самого Петра Ивановича шло, а от кого-нибудь другого?

От Васьки-губана? (Так по-уличному, сама с собою, называла она председателя сельсовета.)

Может, может так быть, решила Пелагея. Парень у губана жених. Постоянно возле их дома мотается. Да нет, Васенька, больно жирно. По зубам кусок выбирай. Топором-то нынче жизнь не завоюешь, а что еще твой сынок умеет? Смех! В город ездил, два года учился, а приехал все с тем же топором. На плотника выучился.

Павлу вечерняя свежесть не помогла. Он, как куль, висел у нее на руке.

Она сняла с него шляпу, сняла галстук.

– Потерпи маленько. Скоро уж. У меня у самой ноги огнем горят.

Да, чистое наказание эти туфли на высоком каблуке.

Кто их только и выдумал! В третьем годе они справили всю эту справу – и шляпу, и галстук, и туфли с высокими каблуками. Думали: с культурными да образованными людьми компанию водят, надо и самим тянуться. А и зря: за три года первый раз в гости вышли.

У Аграфениной избы остановились – Павел совсем огрузнел, и тут, как назло, – Анисья. Выперла на них прямо из-за угла, да не одна – с беспутными Манями.

Павел только увидел дорогую сестрицу, закачался, как подрубленное дерево. А она, Пелагея, тоже поначалу ни туда ни сюда, будто ум отшибло.

И еще одну глупость сделала – клюнула на удочку Мани-большой.

Та – шаромыжина известная:

– Что, Прокопьевна, вольным воздухом подышать вышли?

– Вышли, вышли, Марья Архиповна! Сам лежал, лежал на кровати: "Выведи-ко, жена, на чистый роздух..."

А как же иначе? Не у себя дома-на улице: хошь не хошь, а отвечай, коли спрашивают.

Об одном не подумала она в ту минуту – что бревно стоячее тоже иной раз говорит. А Матреха – мало того что бревно, еще и глуха – просто бухнула, а не заговорила:

– Почто врешь? Вы у Петра Ивановича были...

Вот тут и пошло, завертелось. Анисья – шары налила – давай высказываться на всю улицу: "Вы признавать меня не хотите... вы сестры родной постыдились... ты дом родительский разорила..." – это уж прямо по ее, Пелагеиной, части. Каждый раз, когда напьется, про дом вспоминает.

Ну, понятное дело, Пелагея в долгу не осталась. А как же? Тебя по загривку, а ты в ножки кланяться? Нет, получай сполна. И еще с довесом...

А тут Павлу сделалось худо, его начало рвать. А из окошка выглянула Аграфена Длинные Зубы: дождалась праздничка, есть теперь о что клыки поточить; Толя-воробышек прилетел... В общем, не надо в кино ходить. На всю улицу срамоту развели.

И только одно успокаивало Пелагею – не было поблизости хороших людей. Не было. А раз не было – пыль эта, поднятая у Аграфениной избы, до первого дождя,

– Ты как золотой волной накрывшись... Искры от тебя летят...

Так плел ей, рассказывал Олеша-рабочком про свою первую встречу с ней, про то, как увидел ее у раскрытого окошка за расчесыванием волос. А сама она из той встречи только и запомнила, что резкую боль в голове (лапу в волосы запустил, дьявол) да нахальные, с жарким раскосом глаза. И уж, конечно, никак не думала, не гадала, что ихние дороги когда-нибудь пересекутся. Какой может быть пересек у простой колхозницы с начальником заречья? Шел мимо да увидел молодую бабу в окошке – вот и потешил себя, подергал за волосья.

А дороги пересеклись. Недели через полторы-две, под вечер, Пелагея полоскала белье у реки, и вдруг опять этот самый Олеша. Неизвестно даже, откуда и взялся. Как из-под земли вырос. Стоит, смотрит на нее сбоку да скалит зубы.

– Чего платок-то не снимаешь? Не холодно.

– А ты что – опять к волосам моим подбираешься? Проваливай, проваливай, покамест коромыслом не отводила! Не посмотрю, что начальник.

– Ладно тебе. Убыдет, ежели покажешь.

– А вот и убыдет. Ты небось в кино ходишь, билет покупаешь, а тут бесплатно хочешь?

– А сколько твой билет?

– Иди, иди с богом. Некогда мне с тобой лясы точить.

И в третий раз они встретились. И опять у реки, опять за полосканьем белья. И тут уж она догадалась: подкарауливал ее Олеша.

– Ну, говори, сколько твой билет стоит? – опять завел свою песню.

– Дорого! Денег у тебя не хватит.

– Хватит!

– Не хватит.

– Нет, хватит, говорю!

– А вот устрой пекарихой за рекой – без денег покажу.

Как уж ей тогда пришло это на ум, она не могла бы объяснить. И еще меньше могла бы подумать, что Олеша эти слова примет всерьез.

А он принял.

– Ладно, устрой. Показывай.

– Нет, ты сперва денежки на бочку, а потом, руки к товару протягивай. – И тут Пелагея, к своему немалому удивлению, как бы рассмеялась и эдак шаловливо прискинула платок – дьявол, наверно, толкнул ее в бок.

И Олеша совсем ошалел:

– Ежели дашь мне выспаться на твоих волосах, вот те бог – через неделю сделаю пекарихой. Я не шучу.

– А и я не шучу, – ответила Пелагея.

Через неделю она стала пекарихой – сдержал свое слово Олеша. Со скотного двора ее вырвал, все стены вокруг разрушил – вот как закружило человека.

Ну и она сдержала слово – в первый же день на ночь осталась на пекарне. А под утро, выпроваживая Олешу, сказала:

– Ну, теперь забудь про мои волосы. Квиты. И не вздумай меня снимать. Я кусачая...

Сколько лет прошло с тех пор, сколько воды утекло в реке! И где теперь Олеша? Жив ли? Помнит ли еще зареченскую пекариху с золотыми волосами?

А она его забыла. Забыла сразу же, как только закрыла за ним дверь. Нечего помнить. Не для услады, не для утехи переспала с чужим мужиком. И ежели сейчас этот топляк, чуть ли не два десятка лет пролежавший на дне ее памяти, вдруг и вынырнул на поверхность, то только потому, что, распуская

на ночь свой хвостик на затылке – вот что осталось от прежнего золота, – она вспомнила про свой давешний разговор с Васькой-губаном.

Павел уже спал, похрапывая. Пелагея, как всегда, поставила кружку с кипяченой водой на табуретку, положила таблетки в стеклянном патроне и наконец-то легла сама. На перину, разостланную возле кровати, – чтобы всегда быть под рукой у больного мужа.

Она привыкла к храпу Павла (он и до болезни храпел), но нынешний храп ей показался каким-то нехорошим, будто душили его, и она, уже борясь со сном, приподняла свою отяжелевшую голову. Чтобы последний раз взглянуть на мужа. Приподняла и – с чего? почему? – опять ее, второй или третий раз сегодня, откинуло к прошлому.

Она подумала: догадался или нет тогда Павел насчет Олеси? Во всяком случае, назавтра, утром, когда она пришла домой, он ничем не выдал себя. Ни единого попрека, ни единого вопроса. Только, может, в ту минуту, когда заговорил о бане, немного скосил в сторону глаза.

– У нас баня сегодня, – сказал ей тогда Павел. – Когда пойдешь? Может, в первый жар?

– В первый, – сказала Пелагея.

И в то утро она два березовых веника исхлестала о себя. Жарилась, парилась, чтобы не только грязи на теле – в памяти следа не осталось от той поганой ночи.

Но след остался. И мало того, что она сейчас совсем некстати подумала о том, знал или не знал Павел про ее грех; это еще пустяк – кому важно теперь то, что было столько лет назад. А как быть, ежели время от времени, глядя на свою дочь, ты начинаешь думать об Олесе, по-матерински высчитывать сроки?

Не спуская глаз с тяжело дышавшего мужа, Пелагея и сейчас была занята этими вычислениями. На пекарню она поступила в сентябре, 11 числа. Алька родилась 15 апреля... Восемь месяцев... Нет, с облегчением перевела

она дух, восьмимесячные не рождаются, рождаются семи месяцев, да и то еле живые. А про Альку этого не скажешь.

Алька, как кочан капустный, выкатилась из нее. Ни одной детской болезнью не болела.

Однако закравшееся в душу сомнение – не сорняк в огороде, который вырвал с корнем, и делу конец. Сомнение, как мутная вода, все делает нечистым и неясным.

И сколько ни доказывала себе Пелагея, что Алька никакого отношения не имеет к Олеше, полной уверенности в этом у нее не было.

Конечно, восьмимесячные не рождаются, да и какая мать не знает, кто отец ее ребенка, но откуда у девки такая шальная кровь? Почему она смалу за гулянку гонится? Раньше, до нынешнего дня, она не сомневалась: в тетушку Анисью Алька, от нее кипяток в крови, потому и невзлюбила ту, а сейчас и в этом уверенности не было.

Пелагея полежала еще сколько-то, повертела подушку под разгоряченной головой и встала. Все равно не заснуть теперь. До тех пор не заснуть, пока не взглянет на Альку.

Белая ночь была на исходе. Уже утренняя заря разливалась по заречью. А праздник был еще в полном разгаре. Наяривала гармошка в верхнем конце деревни (неужели все еще у председателя лесхимартели гуляют?), голосили пьяные бабы (эти теперь ни в чем не уступят мужикам), а на дороге, у Аграфениного дома, и совсем непотребное творилось: ребятишечки сопленосые в пьяных играли. Друг за дружку руками держатся, головами мотают, что-то верещат – не то матюкаются, не то песни поют. Совсем как папы и мамы...

Пелагея пошла полем: не дай бог нарваться на пьяного. Заговорит. Домой потащит. А то и лягнет – не теперь сказано: пьяному море по колено. Правда, за себя она не опасалась – даст сдачи. А что делать, когда дочь начнут в грязи валять?

Первый раз Пелагея накрыла Альку за шалостью, когда та училась еще в пятом классе. Зимой, в женский день.

В тот день как раз случилась у них беда – Манька, корова, заболела. Ветеринара дома нету – в районе. Что делать? Вспомнили про молодого зоотехника – все больше понимает, чем они сами. И вот с этим-то молодым зоотехником Пелагея и накрыла свою дочь. Целуются! В хлеву у коровы. В то самое время столковались, покамест мать за пойлом выходила. И добро бы только парень Альку лапал, а то ведь нет. То ведь Алька, как травина, оплела парня. Привстала, на цыпочки приподнялась, чтобы ненадежнее к губам припасть, да еще обеими руками за шею ухватила. Вот что поразило тогда Пелагею.

С зоотехником разговор был короток. Зоотехника заслали в самую распродажную дыру в районе – в силе она в ту пору была. А дочь родную куда сошлешь?

Била, говорила по-хорошему – все напрасно. Кого где не видели под углом да за огородом, а Альку обязательно.

И если бы сейчас, к примеру, Пелагея натолкнулась на нее с парнем возле бани или амбара, она бы не подняла крик от неожиданности...

У клуба стоном стонала земля – такого многолюдья она давно уже не видела в своей деревне. А со стороны подгорья подходили все новые и новые люди. С лесопункта, из-за реки, из других деревень – моторы, начавшие завывать на реке с полудня, все еще не смолкли, – и были гости из района.

Тихонько и незаметно перебравшись через жердяную огороду, она хотела так же тихонько и незаметно подойти к крыльцу, возле которого танцевала молодежь, да не тут-то было!

– Сватья, сватьяшка! Ух, как хорошо! А я ведь к тебе собралась. Где, говорю, у вас Прокопьевна? Куды вы ее подевали?

Пелагея готова была разорвать свою сватьяшку, сестру жены двоюродного брата из соседней деревни, – так уж не к месту да не ко времени была эта встреча! А заговорила, конечно, по-другому, так, как будто

и человека для ее дорожке на свете нет, чем эта краснорожая сука с хмельными глазами.

– Здорово, здорово, сватьяшка! – сказала нараспев Пелагея да еще и поклонилась: вот мы как свою родню почитаем. – На привете да на памяти спасибо, Анна Матвеевна, а худо, видно, к нам собиралась. Не за горами, не за морями живем. За ночь-то, думаю, всяко можно попасть...

В общем, сказала все то, что положено сказать в этом случае, и даже больше, потому что та дура пьяная кинулась обнимать да целовать ее, а потом потащила в круг.

– Посмотри, посмотри на свою дочь! Я посмотрела – глазам легче стало. Вот какая она у тебя красавица!

Так Пелагея и въехала в молодежный круг в обнимку со сватьей-пьяницей. Не закричишь: "Отстань, тварь пьяная", когда народ кругом. А через минуту она сама, по своей доброй воле, обнимала сватью. Не думала, не думала, что у нее в таком почете Алька.

Антонида Петровна с высоким образованием, а где?

На закрайке. С родным братцем топчется. А другая горожаха, председателя лесхимартели дочь, тоже ученая, та и вовсе не при деле – на выставке, а попросту сказать, со стороны смотрит.

А ее-то Алька! В самой середке, на самом верховище.

Да с кем? А с самим секретарем комсомольским из заречья.

Какая еще характеристика требуется? Разве станет партийный человек себя марасть – с худой девкой танцевать?

Но и это не все. Только Савватеев отвел Альку к девкам – офицер подошел. Тот самый, которого они видели давеча из окошек у Петра Ивановича. Молодой, красивый, рослый. Идет-выгибается, как лоза. А уж погоны на плечах горят – за десять шагов жарко.

– Солнышко, солнышко на кругу взошло!

Ну, может, и не солнышко, может, и через крайхватила сватья, а не одна она, Пелагея, засмотрелась. Вся публика стоячая смотрела. И даже

молодежь: три раза Алька с офицером круг обошли, только тогда вышли еще две пары.

А Антонида Петровна так и осталась на бобах. Стоит в сторонке да ноготки крашенные кусает. И вот как все одно к одному – Петр Иванович подошел. Не усидел в гостях, захотелось и ему на свою дочь посмотреть.

Смотри, смотри, Петр Иванович, на своего ученого воробья (чистый воробей, особенно когда из-за толстых очков глазки кверху поднимает), не все тебе торжествовать. А я буду на свою дочь смотреть.

И Пелагея смотрела. Смотрела, высоко подняв голову. И как-то сами собой отпали все заботы и недавние тревоги. Ее дочь! Ее кровинушка верх берет!

Танец кончился быстро – короткий век у радости, – и Пелагея знаком подозвала к себе Альку: Петр Иванович стоит рядом с дочерью, а ей нельзя?

Алька подбежала скоком – глупа еще, чтобы девичьей поступью, но такая счастливая! Как если бы автомобиль выиграла по лотерейному билету.

А может, и выиграла, подумала Пелагея и незаметно для других скосила глаза на круг: где офицер? Что делает?

Офицер шел к ним. Шел не спеша, вразвалку и слегка обмахивая разогретое лицо белым носовым платком.

– Аля, познакомьте меня с вашей мамой.

Пелагея протянутую руку пожала, а чтобы сказать нужное слово – растерялась. Замолола что-то насчет жары.

Жарко, мол, нынче. И работать жарко, и веселиться жарко.

– Ничего, – сказал офицер, – мы свою программу выполним. Верно, Аля?

Алька разудало тряхнула головой: какое, мол, может быть сомнение. Выполним!

Пелагея еще не успела собраться с мыслями: как ей посмотреть на Алькину выходку? не пожурить ли для ее же пользы? – подошла Антонида Петровна.

– Аля, Владислав Сергеевич, не хотите ли чаю? У нас самовар готов...

Пелагее показалось чудным: с каких это пор у Петра Ивановича по ночам самовары стали греть? А потом сообразила: да ведь это Петр Иванович ради своей дочери старается.

– Нет, нет, Антонида Петровна, – быстро ответила за дочь Пелагея. – К нам милости просим. У нас гостя не поена, не кормлена – вот где пригодилась сватьяшка! – Алевтинка, чего стоишь? Приглашай молодежь. Будь хозяйкой.

Все это Пелагея говорила с улыбкой, а у самой земля качалась под ногами: что задумала? На кого руку подняла? И до самой школы не смела оглянуться назад.

Шла и затылком чувствовала разгневанный взгляд Петра Ивановича.

Раньше, до войны, дома в деревне стояли что солдаты в строю – плотно, почти вплоты друг к другу, по одной линии. А чтобы при доме была баня, колодец, огород – этого и в помине не было. Все наособицу: дома домами, колодцы колодцами, бани банями – на задах, у черта на куличках.

Пелагея Амосова первой поломала этот порядок. Она первая завела усадьбу при доме. Баня, погреб, колодец и огород. Все в одном месте, все под рукой. И под огородом. Чтобы ни пеший, ни конный, никакая скотина не могла зайти к ней без спроса.

Позже, вслед за Пелагеей, потянулись и другие, и сейчас редкий дом не огорожен.

Но сколько она вынесла понапраслины! "Кулачиха! Деревню растоптала! Дом родительский разорила!.." Ругали все. Ругали чужие. Ругала Павлова родня. И даже в Москве ругали. Да, да, нашелся один любитель чужих домов из столицы. Пенял, чуть не плакал: дескать, какую красу деревянную загубили. Особенно насчет крыльца двускатного разорился. Что и говорить, крыльцо у старого дома было красивое, это и Пелагея понимала. На точеных столбах. С резьбой. Да ведь зимой с этим красивым крыльцом

мука мученская: и воду, и дрова надо как в гору таскать. А в метель, в непогодь? Суметы снежные наладет, да так, что и ворота не откроешь.

Владислав Сергеевич, даром что молодой, сразу оценил усадьбу.

– Шикарно, шикарно живем! – сказал он, когда они шумной гурьбой подошли к дому.

Да, есть на что взглянуть. Углы у передка обшиты тесом, покрашены желтой краской, крыша новая, шиферная (больше двухсот рублей стоила), крылечко по-городскому, стеклом заделано – да с таким домком и в городе не последним человеком будешь. А уж привольно-то! Ширь-то кругом!

В сельсовете, когда Пелагея попросила пустырь за старым домом, ее на смех подняли: чудишь, баба. Даже Петр Иванович, при всем своем уме, усами заподергивал – не сумел на пять лет вперед заглянуть. А она заглянула.

Разглядела на месте пустыря лужок с душистым сеном под окошками. И теперь кто не завидует ей в деревне!

За рекой всходило солнце, когда она с гостями потлила на усадьбу. И, боже, что тут поделалось! Все засверкало, заиграло вокруг, потом, как в волшебной сказке, все стало алым: и лица, и крыша, и белые занавески в окнах.

Владислав Сергеевич то ли по недомыслию – городской все-таки человек, то ли ради шутки схватил у крыльца железную лопату и начал загребать сено.

Гам, визг поднялся страшный. А тут еще жару подбросила сватья. Сватья зачерпнула ковшом воды в кадке у крыльца, подбежала к Владиславу Сергеевичу: водой их, водой! И через минуту-две ни одного человека сухого не было. Все были мокры. И сено было мокро. Его свалили да вытоптали хуже лошадей. Но ничего ей не было сейчас жалко. Душа расходилась – сама смеялась пуще всех.

Смеялась... А в это время совсем рядом, за стеной в избе, без памяти лежал Павел, и смерть ходила вокруг него...

Нет, нет! Она не снимала с себя вины. Виновата. Нельзя было оставлять больного мужа без присмотра. Нельзя ходить по гулянкам да офицеров в гости зазывать, когда муж хворый. Ну, а с другой стороны, спрашивала себя Пелагея потом, много позже, что было бы тогда с Павлом, не окажись в ту минуту рядом Владислава Сергеевича?

Алька перепугалась насмерть, у самой у ней ум отшибло, фельдшер пьяный, без задних ног лежит у себя на повети...

А Владислав Сергеевич будто только тем всю жизнь и занимался, что помогал таким бедолагам, как они.

– Петренко! Тащи фельдшера к колодцу и до тех пор положи, пока он, сукин сын, в себя не придет. Федоров! Бери машину и на всех парах в район за доктором. Живо!

А кроме того, он и сам не сидел сложа руки, пока не подросла к Павлу медицина. Ворот у рубахи расстегнул, впустил в избу свежий воздух, все окна приказал раскрыть и еще капли Павлу в рот влил – да разве бы она, Пелагея, догадалась до всего этого?

Нет, нет, хоть и судачили, перемывали ей потом бабы косточки за этого офицера, а надо правду говорить: тогда, в то утро, если кто и спас от смерти Павла, так это он, Владислав Сергеевич.

* * *

Нынешняя болезнь Павла поначалу казалась Пелагее погибелью, крахом всей ее жизни.

Немыслимо, невозможно одной управиться и дома, и за рекой. Надо прощаться с пекарней. А без пекарни какая жизнь? Залезай, как улитка, в свою скорлупу на задворках да там и захорони себя заживо.

Но, слава богу, пекарню она удержала за собой. Выручила Анисья. Она с Алькой встала к печи.

Быстрее пошел на поправку, чем раньше думала, и Павел. Попервости районный доктор, как обухом, оглушил: "Паралич. Не видать тебе больше мужа на своих ногах..." А Павел поднялся – на пятнадцатый день в постели

сел, а еще через три дня, опираясь на жену, вышел на крыльцо. В общем, устояли на этот раз Амосовы.

Днем и ночью две недели подряд сидела Пелагея возле больного мужа. Да вдобавок еще уйму всяких дел переделала: окучила картошку, лужок у Мани-маленькой выкосила... А корова и поросенок? А вода и дрова? А стирка? Это ведь тоже не сердобольные соседюшки за нее делали. А вот какой ужас эта пекарня – отдохнула! Как в отпуску побывала. Во всяком случае, так ей казалось, когда она после трехнедельного перерыва отправилась за реку.

Все внове было ей в тот день. И то, что она идет на пекарню среди бела дня, порожняком. Идет не спеша, любуясь ясным, погожим деньком, и то, что в поле пахнет уже не сеном, а молодым наливающимся хлебом. И внове ей была она сама – такая бодрая и легкая на ногу. Как будто добрый десяток лет сбросила. Единственное, что время от времени перекрывало ей радость, были сетования Анисьи на Альку. Анисья, возвращаясь с пекарни, чуть ли не каждый вечер заводила разговор об офицере. Зачастил, мол, в день не один раз заходит на пекарню. Нехорошо.

– Да что тут нехорошего-то? – возражала ей Пелагея. – Он ведь заказчик наш. С нашей пекарни хлеб для своих солдат берет. Почему и не зайти.

– Да не для заказа он ходит. Алька у него на уме.

– Ну уж, тетушка, осудила племянницу. Не осуждай, не осуждай, Онисья Захаровна. Чужие люди осудят. А хоть и пошалят немного, дак на то и молодые годы дадены. Мы с тобой свое отшалили...

– Все равно не дело это – с сеном огонь рядом, – твердила свое Анисья.

И вот в конце концов Пелагея собралась на пекарню, решила ОБОИМИ глазами посмотреть, из-за чего разоряется тетка.

Река встретила Пелагею ласково, по-матерински. Оводов уже не было – отошла пора. Зато ласточек-береговушек было полно. Низко, над самой водой резвились, посвистывая.

Остановившись на утоптанной тропке возле травяного увала, Пелагея с удовольствием наблюдала за их игрой, потом торопливо потрусилась к спуску: у нее появилось какое-то озорное, совсем не по возрасту желание сбросить с ног ботинки и побродить в теплой воде возле берега, подошвами голых ног поласкать песчаный накат у дресвяного мыска.

Однако вскоре она увидела Антонида Петровну, или Тонечку, как Пелагея привыкла называть про себя дочь Петра Ивановича, и к реке сошла своим обычным шагом.

Тонечка загорала. На подстилке. С книжкой в руках.

Подстилка нарядная – большая зеленая шаль с кистями, которую зимой носила мать, – книжка, как огонь, в руках красная. А вот сама Антонида Петровна будто из войны вынырнула. Худенькая, тоненькая и белая-белая, как сметана, – не льнет солнце. Правда, глаза у Тонечки были красивые. Тут уж ничего не скажешь. Ангельские глаза. Чище неба всякого. Но сейчас и они были спрятаны под темными очками.

– Что, Антонида Петровна, – спросила Пелагея, – все красу наводишь? Солнышко на себя имашь? Имай, имай. По науке жить надо. Только что уж одна? На картинках-то барышни все с кавалерами загорают...

Ужалила – и пожалела. Обоих детей у Петра Ивановича легко обидеть. И Антонида, и Сережу. Бог знает, в кого они – беззащитные какие-то, безответные.

Стараясь загладить свою вину, Пелагея уже искренне, от всего сердца предложила Тонечке поехать за реку.

– Поедем, поедem, Антонида Петровна! Не пожалеешь. Я чаем тебя напою, не простым, с калачами круписчатыми – знаешь, как в песнях-то старинных поется? А загорать на той стороне еще лучше.

– Нет, нет, спасибо... Мне домой надо... – скороговоркой пролепетала Тонечка.

Пелагея вздохнула и – что делать – пошла к лодкам.

* * *

Все, все было на месте – и сама пекарня с большими раскрытыми окнами, и сосны разлапистые в белых затесах понизу, и колодец с воротом, и старая, местами обвалившаяся изгородь.

А она поднялась по тропинке к этой изгороди да почувяла теплый хлебный дух, какой бывает только возле пекарни, и расплакалась. Да так расплакалась, что шагу ступить не может.

У крыльца солдаты – дрова пилят – остановились:

"Что это, тетка, с тобой?" А разве тетка знает, что с ней?

Всю жизнь думала: каторга, жернов каменный на шее – вот что такое эта пекарня. А оказывается, без этой каторги да без этого жернова ей и дышать нечем.

И еще больше удивились солдаты, когда только что в голос рыдавшая тетка вдруг с улыбкой прострочила мимо них и без передышки взбежала на крыльцо.

А в пекарне – тоже небывалое с ней дело – не с чужим человеком, не с офицером сперва поздоровалась, а с печью, с квашней, со своими румянощеками ребятками – так Пелагея в добрый час называла только что вынутые из печи хлебы, – все так и обняла глазами.

И только после этого кивнула Владиславу Сергеевичу.

Владислав Сергеевич, всерьез ли, для собственной ли забавы, стоял у печи с деревянной лопатой. В трусах.

Босиком. Но это еще ничего, с этим Пелагея могла примириться: городской человек, а сейчас и мужики в деревне запросто без штанов ходят. Но Алька-то, Алька-то бесстыдница! Тоже пуп напоказ выставила.

– Ты ошалела тут, срамница! – вспылила Пелагея. – Давай уж и это долой! – Она кивнула на Алькин лифчик и трусики из пестрого ситчика.

– Жарко ведь, – огрызнулась Алька.

– А жарко не жарко, да не забывайся: ты девушка!

Еще больше вознегодовала Пелагея, когда присмотрелась к пекарне. Попервости-то, ошалев от радости, она ничего не заметила: ни трех

прогорелых противней, брошенных в угол за ведро с помоями (опять начет от бухгалтерии), ни забусевшей стены возле мучного ларя (сразу видно, что без нее ни разу не протирали), ни обтрепанного веника у дверей (какая польза от такого?).

Но самый-то большой беспорядок – хлебы.

Одна, другая, третья... Двенадцать подряд буханок «мореных» и квелых, неизвестно где и печеных – не то в печи, не то на солнышке.

Но эти буханки еще куда ни шло: человек печет – не машина, и как совсем брака избежать? Да ведь и остальной хлеб у нее сиротой смотрит.

Пелагея заглянула в миску, из которой она обычно смазывала верхнюю корочку только что вынутой из печи буханки. Смазывала постным маслом на сахаре – уж на это не скупилась. Тогда буханку любо в руки взять. Смеется да ластится. Сама в рот просится. А эта чем смазывала? Пелагея метнула суровый взгляд в сторону Альки.

Простой водой?!

– Да разве ты первый раз на пекарне? – стала она отчитывать дочь. – Не видала, как мать делает?

– Ладно, – отмахнулась Алька, – исть захотят – слопают.

– Да ведь сегодня слопают, завтра слопают, а послезавтра и пекариху взашей!

– Испужали... Нашла чем стращать...

Вот и поговори с ней, с кобылой. На все у ней ответ, на все отговорка.

Нет, хоть и сказано у людей: какова березка, такова и отростка, – а не ейный отросток эта девка. Она, Пелагея, разве посмела бы так ответить своей матери? Да покойница прибила бы ее. А людям, тем и вовсе на глаза не показывайся. Ославят так, что и замуж никто не возьмет.

Раньше ведь первым делом не на рожу смотрели, а какова у тебя спина да каковы руки.

А у Альки единственная работа, которую она в охотку делает, это вертеться перед зеркалом да красу на себя наводит. Тут ее никакая усталость не берет.

Война у Пелагеи с дочерью из-за работы идет давно, считай, с того времени, как Алька к нарядам потянулась, и сейчас, в эту минуту, Пелагея так распалилась, что, кажется, не будь рядом чужого человека, лопату бы обломала об нее.

Все же она сорвала свою злость.

Алька нехотя, выламываясь – нарочно так делала, чтобы позлить мать, стала натягивать на себя платье-халат.

И вот тут-то и подал свой голос до сих пор помалкивавший офицер.

– Мамаша не бывала в городе? – спросил он учтиво. – А там, между прочим, половина населения сейчас лежит у реки в таком же наряде, как Аля. И представьте, никто за это не наказывает.

– Дак ведь то в городе, Владислав Сергеевич, а то у нас... к нам городское житье неприменимо...

Офицер легонько пожал плечами (не мое, мол, дело указывать, не я здесь хозяин), но тоже привел себя в приличный вид – надел брюки.

Алька дулась. Забралась с коленями на табуретку, лицо в раскрытое окно, а матери – зад. Любуйся!

Пелагея быстро замыла забусевшую стену у мучного ларя, прошлась новым мокрым веником по пекарне – сразу пол заблестел, – прибрала на рабочем столе и вдруг подумала, а не зря ли она напустилась на девку. Девка худо-хорошо целыми днями работает. В жаре. В духоте.

А главное, Пелагее сейчас страшно неловко было перед офицером – он как раз в то время вернулся с улицы.

Офицер-то чем провинился перед ней? Тем, что Павла от верной смерти спас? Или, может, тем, что сейчас вот дрова им помогает распилить?

Пелагея живехонько преобразилась.

– Алевтинка, – сказала она ласковым голосом и улыбнулась, – ты хоть чаем-то напоила своего помощника?

– Когда чай-то распивать? Не без дела сижу...

– Да с делом ли, без дела, а помощников-то надо напоить-накормить. Ох, Алька, Алька! Захотела нынешних работников на колодезном пиве удержать.... – Пелагея еще приветливее, еще задушевнее улыбнулась, потом разом выложила карты: – Ставь самовар, а я за живой водой сбегаю.

* * *

Пелагея любила чаевничать на пекарне. Самые это приятные минуты в ее жизни были, когда она, вынув из печи хлебы, садилась за самовар. Не за чайник – за самовар. Чтобы в самое темное время – зимой – солнце на столе было. И чтобы музыка самоварная играла.

Бывали у ней на пекарне и гости. Особенно раньше.

Кто только не забегал к ней тогда! Но – что говорить – такого гостя, по душе да по сердцу, как нынешний, у нее, пожалуй, еще не было.

Красавец. Образованный. И умен как бес – через стену все видит.

Пелагея не поскупилась – две бутылки белого купила. Думала, пускай и у солдат праздник будет. Заслужили: целую кучу вровень с крыльцом дров накололи. Да потом и то взять: начальнику-то ставь, да и помощников не забывай. Потому как известно – через помощников ведут двери к начальнику.

В общем, сунула стриженным ребятам бутылку. На ходу сунула, – никто не видал.

А вот какой у него глаз – увидел.

Только вошла она в пекарню с покупками, а он уж ей пальцем:

– А вот это, мамаша, непорядок! Солдат у меня не спаивать.

Сказал в шутку, с улыбочкой, но так, что запомнишь – в другой раз не сунешься.

Пелагея быстро захмелела. Не от вина – две неполные рюмки за компанию выпила. Захмелела от разговора.

Превыше всех благ на свете ценила она умное слово.

Потому что хоть и малограмотная была, а понимала, в какой век живет. Видела, чем, к примеру, всю жизнь берет Петр Иванович.

Но рядом с этим быстроглазым шельмой – так любовно окрестила про себя Пелагея Владика (сам настоял, чтобы по имени звала) – и Петр Иванович не колокол, а пустая бочка. И все-то он знает, все видел, везде бывал, а если уж словом начнет играть – заслушаешься.

К примеру, что такое та же самая «мамаша», которой он постоянно величал ее?

А самое обыкновенное слово, ежели разобраться. Не лучше, не хуже других. Родная дочь так тебя кличет, потому что родная дочь, а чужой человек ежели назовет – по вежливости, от хорошего воспитания. А ведь этот, когда тебя мамашей называет, сердце от радости в груди скачет. Тут тебе и почтение, и уважение, и ласка, и как бы намек. Намек на будущее. Дескать, чего в жизни не бывает, может, и взаправду еще придется мамашей называть.

Неплохо, неплохо бы иметь такого сыночка, думала Пелагея и уж со своей стороны маслила и кадила, как могла.

Но Алька... Что с Алькой? Она-то о чем думает?

Конечно, умных да хитрых речей от нее никто не требовал – это дается с годами, да и то не каждому, – да ведь девушка, не только речами берет. А глаз? А губы на что?

Или то же платье взять. Пелагею из себя выводил мятый, линиялый халатишко, который натянула на себя Алька. Как можно – в том же самом тряпье, в котором мать возле печи возится! Или, может, нищие они?

Платья приличного не найдется? Она подавала дочери знаки – глазами, пальцами: переоденься, не срамись, а то хоть и вовсе растелишься. Чего уж париться, раз недавно еще расхаживала в чем мать родила.

Не послушалась. Уперлась, как петух. Просто на дыбы встала. Вот какой характер у девки.

Но и это не все. Самую-то неприкрытую дурость Алька выказала, когда Пелагея стала разговаривать с Владиком о его родителях. Простой разговор. Каждому по силам пряжа. И Пелагее думалось, что и Алька к ним сбоку пристанет. А она что сделала? А она в это самое время начала зевать. Просто подавилась зевотой. А потом и того хуже: вскочила вдруг на ноги, халат долой да, ни слова не сказав, на реку. Разговаривай, беседуй мать с кавалером, а мне некогда. Я купаться полетела. Пелагея от стыда за дочь глаз не решалась поднять на офицера. Но плохо же она, оказывается, знала нынешнюю молодежь! Владик – и минуты не прошло – сам вылетел вслед за Алькой. И не дверями вылетел, а окошком – только ноги взвились над подоконником. Про все позабыл. Про мать, про отца...

И Пелагея уже не сердилась на дочь. Разве на кобылку молодую, когда та лягнет тебя, будешь долго сердиться? Ну, поворчишь, ну, шлепнешь даже, а через минуту-другую уже любишься: бежит, ногами перебирает и солнце в боку несет.

И Пелагея сейчас, с тихой улыбкой глядя в раскрытое окно, тоже любовалась дочерью. Красивая у нее дочь.

Благословлять, а не ругать надо такую дочь. И ежели им, Амосовым, думала Пелагея, суждено когда-нибудь по-настоящему выйти в люди, то только через Альку. Через ее красу. Через это золото норовистое, за которым сейчас гнался офицер.

* * *

Пелагея за этот месяц помолодела и душой, и телом.

Нет, нет, не отросли заново волосы, не налились щеки румянцем, а чувствовала себя так, будто молодость вернулась к ней. Будто сама она влюблена.

Да, обнималась и целовалась с Владиком Алька (как уж не целовалась с таким молодцом, раз для своих, деревенских, рот полым держала), а волновалась-то она, Пелагея. Так волновалась, как не волновалась, когда сама в невестах ходила. Да и какие волненья тогда могли быть? Павел хоть и

из хорошей семьи (по старым временам у Амосовых первое житье по деревне считалось), а робок был. Сразу, как овечушка, отдался ей в руки.

А этот вихрь, огонь – того и гляди руки обожжешь, и что у него на уме – тоже не прочитаешь. "Мамаша, мамаша..." – на это не скупится, сено помог с пожни вывезти на военной машине, а карты свои не открывает. Ни слова насчет дальнейшей жизни.

Конечно, Альке спешить некуда – другие в это время еще в куклы играют. Да разговоры. Кому это нужно, чтобы на каждом углу трепали девкино имя? А потом – ученье на носу. Не думает же он, что и со школьницей гулять будет?

В общем, думала-думала Пелагея и надумала – созвать у себя молодежный вечер. Уж там-то, на этом вечере, она сумеет выведать, что у него на уме. Молодежные вечера нынче в деревне были в моде. Их устраивали и по случаю проводов сына в армию, и по случаю окончания детьми средней школы, а то и просто так, без всякого случая.

Всех лучше да памятнее вечера были, конечно, у Петра Ивановича – там уж всякой всячины было вдоволь: и вина, и еды, и музыки. А Пелагея на этот раз решила и Петра Ивановича переплюнуть.

Слыхано ли где, чтобы не было вина белого на столе и чтобы гости были пьяны? А у нее так будет. Пять бутылок коньяку выставит – деньги немалые, коньяк почти в полтора раза дороже белого вина, да чего жадничать?

Две-три буханки лишних скормить борову – вот и покрыта разница, зато будет разговоров у людей.

Постаралась Пелагея и насчет закуски. Рыба белая, студень, мясо – это уж ясно. Без этого по нынешним временам не стол.

А как насчет ягодок, Петр Иванович? Раздобыл бы ты, к примеру, морошки, когда ее еще на цвету убило холодом? А она раздобыла. За сорок верст Маню-маленькую сгоняла, и та принесла небольшой туесок, выпросила

для больного у своей напарницы по монастырю – та, бывало, в любое лето должна была насобирать морошки для архиерея.

О другой ягоде-малине – Пелагея позаботилась сама. Тоже и на малину неурожай в этом году – по угорам поблизости все выгорело, пришлось ей тащиться на выломки, за Ипатовы гари. И ох же на какую ягоду она напала! Крупную, сочную, нетронутую – сплошными зарослями, как одеяла красные по ручью развешаны.

Она быстро надоила эмалированное ведро, потом – раззадорилась – загнула коробку из бересты, да еще и коробку набрала.

Домой притащилась еле-еле – дорога семь верст, ноша в три погибели гнет, и за весь день сухарик в ручье размочила.

– Отец, Онисья! – заговорила она с порога, через силу улыбаясь. – Ругайте меня, дуреху. Ежели сказать, куда ходила, не поверите...

Ее удивило молчание Анисьи, праздное, без дела сидевшей у стола с опущенной головой. Потом она разглядела мужа. Павел лежал с закрытыми глазами, и попервости она подумала: спит. Но он не спал. Дышал тяжело, со всхлипами, лицо потное, и на сердце мокрая тряпица.

Неужели опять приступ?

Пелагея быстро поставила ведро и коробку с ягодами на стол.

– Где Алька? За фершалом побежала?

Анисья опять ничего не ответила.

– Где, говорю, Алька? Вернулась с пекарни?

– Нету Альки...

– Н-не-ту-у? – у Пелагеи ноги подкосились – едва мимо стула не села.

Так вот кто ей махал с парохода, когда она вышла из лесу к реке! Родная дочь. А она-то по-хорошему подумала тогда: вот, мол, какая девка у чьих-то родителей – чужому, незнакомому человеку машет.

– С тем, пройдохой, уехала? – спросила глухо Пелагея.

– Одна.

– Одна? Одна в город-то уехала? А тот где?

– Тот еще вчера уехал.

– Отец, отец... – истошным голосом заголосила Пелагея, – чуешь, что дочи-то у нас наделала?

Анисья вывела ее в сени и там окончательно добила: Алька в положении. Так по крайности она сказала тетке и отцу, когда днем, прибежав с пекарни, вдруг начала собираться в город.

* * *

- *...То не кустышки в поле расстоналися,*
- *Не кукушица серая на жизнь плачется,*
- *То у нас в селе вдова народилася...*

Так, такими бы словами, запомнившимися с детства, хотелось Пелагее выплакать свое горе. А еще больше ей хотелось бухнуть прямо на колени и принародно покаяться перед мужем: "Прости, прости, Павел Захарович! Это я, я довела тебя до могилы..."

Но она не сделала ни того, ни другого.

Она стояла, пошатываясь, возле красного гроба рядом с рыдающей, распухшей от слез Анисьи и крик держала за зубами. Потому что кто поверит ей? Кого тронет ее плач?

Проводить Павла в последний путь собралась вся близкая и дальняя родня. Свои, деревенские, – это само собой, иначе и быть не может, но, кроме них, приехала из города двоюродная сестра Павла, приехал дядя-пенсионер из лесного поселка, прилетел Павлов племянник, офицер...

Не было возле покойного только его родного детища – Альки.

Павел помер на третий день после бегства дочери из дому, и где было ее искать? В городе? В дороге? А в общем, думала Пелагея, может быть, и лучше, что не торчит возле гроба Алька. Она, Пелагея, чувствует себя преступницей, не смеет глаза поднять на людей, а что сказать об Альке? Не

хотела Алька смерти отца – это ясно, а все-таки после ее суматошного отъезда помер, она, единокровная дочь, помогла отцу сойти в могилу. И если теперь, в ее отсутствие, до слуха Пелагеи (она стояла в ногах у покойного) то и дело доходил пересудный шепот сердобольных баб: "Вот какие пошли нынче деточки... Живьем готовы закопать в могилу родителя... Рости их, дрожи над ними..." – то что было бы, если бы тут была Алька!

Хоронили Павла и по-старому, и по-новому.

Дома все было по-старому. И власти, надо говорить правду, не мешали. Пока старушонки окуривали гроб ладаном да негромко тянули "Святой боже", власти стояли на улице у крыльца и покуривали. Правда, Афонька-ветеринар влетел было по пьянке в избу, закричал, чтобы сейчас же прекратили издеваться над беспартийным большевиком, но его быстро утихомирили. Сами же власти, Василий Игнатьевич да Петр Иванович, просто вытолкали из избы.

Новый обряд начался на кладбище, когда над раскрытым гробом стали говорить речи:

– Беззаветный труженик... С первого дня колхозной жизни на трудовой вахте... Честный. Пример для всех... Никогда не забудем...

И вот тут-то Пелагея дрогнула. Все выдержала: причитания, осуждающие взгляды, пересудные шепотки – не пошевелилась, не охнула. Стояла у гроба как каменная. А начали речи говорить – и земля зашаталась под ногами.

– Беззаветный труженик... С первого дня колхозной жизни... Честный... Пример для всех...

Пелагея слушала-слушала эти слова и вдруг подумала: а ведь это правда, святая все правда. Безотказно, как лошадь, как машина, работал Павел в колхозе. И заболел он тоже на колхозной работе. С молотилки домой на санях привезли. А кто ценил его работу при жизни? Кто сказал ему хоть раз спасибо? Правленье? Она, Пелагея?

Нет, надо правду говорить: она ни во что не ставила работу мужа. Да и как можно было во что-то ставить работу, за которую ничего не платили?

А вот сейчас Павла хвалили. И ей вдруг жалко стало, что Павел не слышит этих похвал.

А еще, глядя на покойника в гробу, на его неподвижное восковое лицо с закрытыми глазами, на его большие, очень бледные руки, скрещенные на груди, она подумала, что это ведь лежит Павел, ее муж, человек, с которым – худо-хорошо – она прожила целую жизнь...

И тогда она заплакала, заревела во все горло. И ей теперь было все равно, что скажут о ней люди, какую грязь кинут в Альку...

* * *

Вот и дождалась она долгожданного отдыха...

Утром вставала поздно, не спеша. Не спеша топила печь, пила чай, затем отправлялась в лес.

Грибы да ягоды были ее страстью смалу. И ежели кому и завидовала Пелагея все эти годы, работая на пекарне, так это грибницам да ягодницам. А теперь ей незачем было завидовать. Теперь она сама могла по целым дням ходить по лесу.

И она ходила. Ходила по знакомым с детства холмикам и веретийкам, по мызам, по старым расчисткам, отдыхала у ручейка, у речки, всматривалась в их густую осеннюю синеву, слушала крики журавлей, собачий лай...

Но много ли ей одной надо? Три раза сходила за соlexами да два раза за обабками, натолкла ушатик ягод, а зачем еще?

Несколько дней у нее ушло на уборку картошки. Картошка уродилась ядреная, крупная – с двух грядок она набила погреб, а за баней оставалась еще грядка, и ей бы радоваться надо да бога благодарить, а она опять спрашивала себя: зачем? К чему ей столько картошки?

Она изнывала, изнемогала, ожидаючи писем от Альки.

А та не писала. Уехала – и ни единой весточки. Как в воду канула. И она кляла, ругала дочь самыми последними словами: "Сука! Зверь бездушный! Мало тебе смерти отца, дак ты и мать хочешь в могилу свести". А потом ожесточение проходило, и она еще пуще жалела дочь.

Где она теперь? Что делает? В чужом городе... Без паспорта...

Однажды Пелагея, решив засолить для Альки ведерко рыжиков – ведь должна же она когда-нибудь объявиться, – уплелась далеко, верст за пять от дому, и неожиданно для себя вышла на Сургу, к коровьему стаду.

День был сухой, светлый, солнце грело по-летнему, и вообще весь сентябрь был на редкость красивый, словно сам бог решил вознаградить ее за все те годы, что она провела на пекарне.

Сургу она знала вдоль и поперек – семь лет тут возилась с коровами до того, как стала на пекарню. И у нее и в мыслях не было, чтобы спускаться с лесистого ягодного угора вниз к дояркам. Зачем? Чего она там не видала?

Но тут вдруг затарахтел мотор, коровы, как по команде, потянулись к длинному двускатному навесу из белого шифера, под которым их доили, и она заколебалась: что такое эта электродоилка? Уже два года как установлена в колхозе, а она и не видала.

Скотницы встретили ее шутками:

– Дак вот почему мы без ягод да грибов! Вор повадился в наши леса.

– Нет, не потому, – возразил им пастух Олекса Лапин, который, сидя у огонька, попивал чаек, – а потому, что много спите.

– А и верно, что много, – согласились скотницы.

Скотницы смеялись, скалили зубы. И не удивительно: машина доила коров, а они только подмывали вымя да приставляли к соскам резиновые наконечники с длинными шлангами, по которым молоко перекачивалось в морозные алюминиевые бидоны. Вот и вся работа ихняя.

А как они, бывало, работали! Руки выворачивали на этой дойке. А холод-то? А дождь? А каково это каждый день два раза мерять дорогу – от деревни до Сурги и от Сурги до деревни? Грязь страшная, до колена, – и

где уж тут присесть на телегу. Хоть бы бидоны-то с молоком лошадь вытащила. А теперь – машина. С брезентовым верхом. И как тут не смеяться да не точить лясы!

Все, все было сейчас иным, чем раньше, в ее время.

Даже коровы и те стали какими-то другими. Бывало, как на живодерню, тащишь буренку на дойку. Глотку сорвешь, пока подоишь. А сейчас она сама рвется к доильне, потому что там ее соль-лизунец да концентрат ждут.

– От Али новостей нету?

Если бы Лида Вахромеева не заговорила сама, Пелагея так бы и не признала ее. Красавица! Румянец во всю щеку. Да разве это та сопливая девчонка, которая в прошлом году хотела нарушить себя?

Лиде Вахромеевой грамота, как и Альке, давалась туго, в седьмом классе была оставлена на осенние экзамены, и вот отец – чистый кипяток! распорядился: "В скотницы! Раз человечесьей грамоты не понимаешь, коровью учи!"

Лида плакала, умоляла отца, мать, валялась в ногах у председателя, из города дядю военного призывали – только бы не в навоз, не к коровам. А сейчас – посмотреть на Лиду – и человека счастливее ее нету. Смеется.

Во весь рот смеется. От души. А уж одета – картина!

Одни сапожки на ногах пятьдесят рублей стоят. Вот какие нынче деньжищи огребают скотницы.

И тут Пелагея с тоской подумала об Альке. О том, что и Алька могла бы работать дояркой. А почему бы нет? Чем это не работа?

Всю жизнь, от века в век, и мать ее, и бабка, и сама она, Пелагея, возились с навозом, с коровами, а тут вдруг решили, что для нынешних деточек это нехорошо, грязно. Да почему? Почему грязно, когда на этой грязи вся жизнь стоит?

В этот день Пелагея много плакала. Плакала в лесу, когда рассталась с доярками, плакала по дороге домой.

И особенно много плакала дома, когда вошла в пустую избу.

* * *

Болезнь подкралась к Пелагее незаметно, вместе с осенними дождями и сыростью, и она была для Пелагеи мукой. Не умела Пелагея болеть. Она была в мать.

Та еще за три дня до смерти просила у нее работы: "Дай ты мне чего-нибудь поделать. Я ведь жить хочу".

Пелагея не думала, понятно, о работе на пекарне – где уж ей теперь тащить такой воз? – но об одной работе она думала всерьез. На другой день после встречи со скотницами на Сурге, утром, когда она еще лежала в постели, ей вдруг пришло в голову, а почему бы ей самой не стать снова дояркой. Работа на вольном воздухе, машина в помощниках, мотаться пешедралом не надо – да неужели не справится?

Три дня она жила этой мыслью. Три дня она, что бы ни делала, куда бы ни шла, только и думала о том, какой переполох в деревне вызовет ее возвращение в колхоз.

– Слыхали, что Пелагея-то выкинула?

– Ну и ну!

– Она может. Железная!

А на четвертый проснулась утром и – куда девалось хваленое железо? – не пошевелить ни рукой, ни ногой.

И нет дыхания – сперло в груди.

К полудню она все-таки расхотелась и даже погреб принялась утеплять, но с этого дня силы ее начали убывать.

Она сопротивлялась болезни, целыми днями делала что-нибудь возле дома: то прибирала дрова, то убирала и жгла мусор, то конопатила чулан – всегда зимой один угол промерзает – и часто-часто выходила на горочкина угор, откуда хорошо видно пекарню.

Если была сухая погода, она садилась к черемуховому кусту, у которого раньше поджидал ее больной Павел, и подолгу глядела за реку.

О многом думалось тут, в душистом затишье, многое вспоминалось – и хорошее, и плохое, – но чаще всего Пелагея возвращалась мыслью к первым дням работы на пекарне, к той безрассудной, прямо-таки бесшабашной смелости, с которой она бросилась в бой за новую жизнь.

Нет, не в том она видела смелость, что переспала с чужим мужиком. Припрет нужда да голод – с самим дьяволом переспишь. А уж они с Павлом хватили нужды да голода после войны. В сорок шестом году на глазах у них зачах их первенец, их единственный сын. Зачах оттого, что у матери начисто пересохли груди. И разве могла она допустить, чтобы и второго ребенка у них постигла та же участь?

Смелость свою она видела в другом. В том, что не побоялась пойти против всех. Против председателя колхоза, который рвал и метал, что у него выхватили лучшую доярку, против колхозников ("Это за какие такие заслуги такие корма Палаге?"), против Дуньки-пекарихи и ее родни.

И вот одолела. Всех положила на лопатки. Одна. За один месяц. А чем? Какой силой-хитростью? Хлебом. Теми самыми хлебными буханками, которые выпекала на пекарне. Их, свое хлебное воинство, бросила на завоевание людей. И завоевала. Никто не мог устоять против ее хлеба – легкого, душистого, вкусного и сытного.

* * *

В октябре Пелагею дважды навещала фельдшерица и дважды уговаривала ехать в районную больницу. Но Пелагея в ответ только качала головой. Зачем она поедет туда? Чем помогут ей районные врачи? Да разве и сама она не знает, что у нее за болезнь?

Сколько раз за эти годы перекладывали печь на пекарне! А уж об отдельных кирпичках и говорить нечего – их меняли каждый год. Не выдерживали жары, лопались...

Так ведь то кирпичи – из глины, камень, можно сказать. А что же сказать о человеке? О ней, о бабе, которая за эти восемнадцать лет и одного дня не отдыхала?

Вот и развалилась, распалась сейчас, вот и не может по целым дням оторваться от постели...

К Пелагее редко кто заходил. Маню-большую она выставила сама; с Анисьей, золовкой, рассчиталась сразу же после Павловых похорон: свыше сил было видеть ее, свидетельницу собственного позора; Петр Иванович не заглядывал – это само собой. К чему она ему теперь?

Единственно, кто навещал ее в эти холодные осенние дни, – это Лида Вахромеева, Алькина подружка. Та забегала. И воды приносила, и дров, и всякие деревенские новости рассказывала. Но, по правде сказать, Пелагея не особенно зазывала Лиду. Потому что очень уж тоскливо было после ее ухода. Просто белый день сменялся ночью.

Днем Пелагея все помаленьку топталась по избе. Да днем и лежать повеселее. Днем за окошком жизнь. То кто-нибудь проедет на лошади или на тракторе, то соседка пробренчит ведрами, направляясь за водой к колодцу, то, на худой конец, ворона прокаркает – тоже жизнь.

А ночью как в могиле. Ночью караул кричи – не докричишься. Только разве Афонька пьяный фарами поиграет на никелированных самоварах, что стоят на комодке.

Афонька, когда переберет, места себе не может найти.

Всю ночь, как нечистая сила, разъезжает на мотоцикле.

Из улицы в улицу, из заулка в заулочек. И, ох же, как выходила из себя Пелагея, когда Афонькины громы среди ночи раскатывались под ихними окошками! Все, какие ни есть на свете, кары призывала на Афонькину голову.

А теперь, в эти длинные осенние ночи, только и радости у нее было, когда на улице появлялся пьяный мотоциклист...

В Октябрьскую Пелагея чувствовала себя не лучше, не хуже, чем накануне. Но встала она в этот день задолго до рассвета. Затопила печь, напекла шанежек, ватрушек, пирожков с мясом и изюмом, закатала рыбник, затем подмыла пол, переменяла скатерть на столе, принарядилась сама.

Больше всех праздников любила она Октябрьскую.

Целый день, бывало, с раннего утра звенит радость в ихнем доме. Сперва сборы на демонстрацию Павла да Альки, примерка обнов – это уж обязательно: к каждому празднику обнов! – потом, часов с одиннадцати, когда демонстрация появлялась в ихнем околотке, зайцы-сугревники (так Пелагея про себя называла начальство, которое забегало к ней пропустить рюмочку для тепла): Петр Иванович, председатель сельсовета, колхозный председатель... Да каждый тайком, с оглядом, чтобы разговоров лишних не было. А в избу-то забежали – тоже с потехой.

Кто дьячком, кто козой проблеет от порога: "Не согреют ли в этом доме плоть мою промерзшую?"

Весь день просидела Пелагея у окошка, взглядываясь сбоку, из-за занавески, в деревенскую улицу.

Демонстрации в этом году опять не было. Три года назад умерла школьница от гриппа (будто бы ноги во время демонстрации промочила), и с той поры перестали ходить с красными флагами по деревне.

Поглядела-поглядела Пелагея на развеселых мужиков да баб – весь день гужом перли то к Анисье, то от Анисьи, – повздыхала, поплакала и в сумерках, не зажигая огня, прилегла на кровать.

И вот не успела сомкнуть глаз – шаги на крыльце, а потом кольцо брякнуло в воротах.

Она так и привстала на кровати. Кто вспомнил ее в этот день?

Маня-большая. Ее бесовский глаз запылал в темноте под порогом.

Пелагея и раз, и двахватила открытым ртом воздух, а сказать – и слов нету: до того поражена она была нынешним приходом Мани. Ведь это же надо: нарочно придумывать – не придумать такого оскорбления!

Наконец она собралась с духом.

– Не ошиблась адресом? – спросила она не своим, а чужим словом, запавшим ей в голову от кого-то из прежней компании. Потом, подумав, что до Мани такое не дойдет,хватила как обухом по голове: – А может,

богатством Христовым пришла похвастаться? Обновками? Как сборы-то ноне?

Христово богатство – это платки, полотенца, одежонка некорыстная, отрезы ситцевые, шерсть овечья и даже кое-какая мелочишка из денег – в общем, все то, что верующие по обету вешают и кладут у «моленных» крестов.

Эти «моленные» кресты стали появляться возле деревень, в лесу, еще в военную пору. Устройства они самого простого. Тесаный и врытый в землю крест – редкость.

А чаще всего так: срежут у нетолстой ели или сосны ствол этак метра на два, на три от земли, пролысят, как кряж, предназначенный на дрова, затем набьют поперечную перекладину – жердяной обрубок, бросят зачем-то к комлю несколько камней – и крест, напоминающий какое-то языческое, дохристианское капище, готов.

Местные безбожники, конечно, не дремали – беспощадно вырубали «моленные» кресты. Но разве вырубил лес?

Маня-большая уже который год кормилась возле этих крестов. Она, как охотник свой путик, регулярно, под каждый праздник, обегала кресты в округе.

Однако напрасно взвинчивала себя Пелагея – не сорвала свою злость на старухе.

Маня-большая не только не бросилась опрометью вон из избы, как это сделал бы каждый на ее месте. Маня-большая даже не поморщилась. Села на прилавок к печи, сарафанишко поверх матерчатых штанов в белую полоску выше колена вздернула, нога на ногу, да еще и закурила.

Вот эта-то Манина наглость и отрезвила Пелагею, а то один бог знает, что и было бы: у нее хорошие-то люди без спроса не курили в доме, так разве позволила бы она какому-то огрызку!

Нет, подумала Пелагея, что-то у ней есть, не с пустыми руками пришла, коли барыней расселась. И этак издалека – на прощуп – спросила:

- Что в мире-то ноне делается? Какими новостями живут люди?
- Да есть кое-чего. Не без того же, – уклончиво ответила Маня.
- Грызут друг друга?
- Пошто грызут? Кто грызет, а кто и радуется.
- Да, да, – вздохнула Пелагея, – верно это, верно. Кто и радуется.
- Давай дак не вздыхай. Ты и сама не без радостей.
- Я? – Пелагея от удивления даже приподнялась.
- Знамо дело.
- Что ты, что ты, плетня... Мужа схоронила, сама не могу...

Маня против этого не возражала.

Значит, об Альке вести, догадалась Пелагея, и так ей вдруг легко стало, будто лето спустилось в избу.

Она быстро встала с постели.

– Вот ведь какое со мной горе! Гостья пришла, а я лежу как бревно. Ты уж прости, прости меня, Марья Архиповна, недотепу, – неожиданно для себя заговорила она своим прежним, полузабытым голосом, тем самым обволакивающим и радушным голосом, против которого никто, даже сам Петр Иванович, не мог устоять. – Все одна да одна, совсем из ума выжила. Нет, нет, Марья Архиповна! Мы сейчас за самоварчик да за рюмочку – праздник сегодня. Да ты кури, кури, Маша, не стесняйся. Я, бывало, когда хозяин во здоровье был, сама покупала папиросы. Да сапожки-то, может, снять, не томи ты свою ножку, я валенки теплые с печи достану...

Новость, которую поведала Маня (конечно, после того, как опрокинула три рюмки, – Пелагея сразу поняла, что насухо из старухи ничего не вырвешь), превзошла все ее ожидания: Альке сельсовет выслал справку на паспорт.

– Да ты не врешь, Маша? Не перепутала чего? – переспросила Пелагея и – не могла удержаться – всплакнула: ведь из-за этой самой справки она жизнь себе укоротила, можно сказать, даже в постель слегла. К губану ходила, колхозного председателя молила, Петра Ивановича жаловила – все

без толку. "Не то время сейчас, – сказал ей Петр Иванович. – Поворот молодежи в сторону деревни даден. Подожди". А как же ждать? Девка в городе и без паспорта – да это хуже, чем в глухом лесу заблудиться.

И вот спала гора с плеч – Алька с паспортом.

– Да когда это было-то? – все еще до конца не веря, опять стала допытываться Пелагея.

– Позавчерась.

– Позавчерась? И у тебя хватило терпенья, Марья Архиповна, утаивать такую весть от матери?

– Мать-та эта еще не знаешь, как и встретит...

– Ну, ну, – живо замахала руками Пелагея, – чего старое вспоминать. На солнце и на то затемнение находит, а наш брат – баба глупая... Говори, говори, Марья Архиповна!

– Да чего говорить-то? Василий Игнатьевич вчерась в лавке сказывал. "Совсем, говорит, уплыла от нас девка. Военная часть справку требует..."

– Ну и дали справку-то?

– Да как не дашь-то? Говорю, – армия требует...

– Армия?... – повторила с раздумьем Пелагея. – Дак ведь это он, Владик, хлопочет... Ей-богу, Маша! Господи! – воскликнула Пелагея и прослезилась. – Вместях, значит? Вдвоем? А я-то все времечко убиваюсь, места не могу себе прибрать...

– Мать, – многозначительно заметила Маня.

– Хотела бы, хотела бы я на ихнее счастье посмотреть, – мечтательно разоткровенничалась Пелагея. – Да нет, не ускочишь. Как на привязи сидишь у болезни. А та сука сама не догадается письма написать. Вот ведь какие нынче деточки-то пошли. Мать вынь да положь, когда припрет, а когда у них все хорошо да ладно, они о матери-то и не вспомнят...

Маня, утешая Пелагею, сказала, что письмо придет, никуда не денется и что раньше Альке и писать было не о чем – только мать расстраивать, раз с паспортом нелады, потом вдруг предложила:

– А терпезу нету – выписывай командировку. В два счета слетаю.

– Ты? В город?

– А чего? Обрисую положение. Все как есть.

Пелагея строго поджала губы – это уж всегда, когда ей надо было на что-то решиться. При этом она быстро прикинула, во что может обойтись ей Манина поездка.

Рублей в сорок. Дорого. Чуть ли не месячная зарплата на пекарне. А с другой стороны, подумала она, что деньги?

Неужели ее собственный покой ничего не стоит?

– Рублей двадцать пять дам, – сказала осторожно Пелагея.

– За четвертак в город? Шлепай сама! – Маня-большая быстро и деловито начала загибать пальцы: – Билет туда да обратно семнадцать шестьдесят. Так? Пить-исть надо? Фатера да суточные положено? Ну и хоть небольшие северные – на сугрев старухе... – Маня хихикнула.

После недолгих торгов сошлись на тридцати пяти рублях, не считая, конечно, подорожников, которые напечат Пелагея.

* * *

Маня ездила в город девять дней – на целых три дня больше, чем они договаривались, – и Пелагея последние ночи почти не спала. Все передумала. Самые худые мысли допускала об Альке.

А тут еще завернули морозы. Где старушонка? Уехала в кирзовых сапогах, налегке – не свалило ли в дороге?

Наконец вернулась Маня.

В избу вошла – ни дать ни взять чучело огородное: фуражка военная со светлым козырьком поперх шали, завязухи, рукавицы – с крупного мужика – по локоть, какая-то шубешка драная шерстью наружу... В общем, как догадалась Пелагея, вешала на себя все, что давали сердобольные люди.

Пелагея вмиг преобразила старуху: на ноги теплые валенки с печи, телогрею собственную дала, тоже заранее нагретую на печи, а затем и стопку белой. Как самой дорогой и желанной гостье.

– Ну как она? – нетерпеливо спросила, когда сели к столу. (Самовар уж кипел – третий день с утра до ночи стоял под парами.)

– Хорошо живет. На большой! – ширнула простуженным носом Маня и для убедительности подняла прокуренный палец. – Фицианкой работает.

– Кем, кем?

– Фицианкой, говорю. С подносом со светлым бегаёт.

У Пелагеи погасли глаза.

– Ох, Алька, Алька! Нету у нас с тобой счастья. Что уж тут хорошего – с подносом бегать...

– А чего нехорошего-то? Там ведь не у нас – чего хватил, и ладно. Под музыку лопают...

– Под музыку?

– Ну! Поедят, поедят, попляшут, чтобы утряску продуктам в брюхе сделать, да снова за стол...

– Дак это она не в том... не в сторани, где мужики выливают?

Маня коротко кивнула.

– В сторани.

– Ну, а как она из себя-то? Видом-то как? – продолжала допытываться Пелагея.

– А чего видом-то... Работа не пыльная... И деньги лопатой загребаёт...

– Плети-ко... Кто это там такой щедрый?

– Есть в городах народ. А особенно ежели он выпимши да перед ним задом вертят...

– Задом вертят? и Алька вертит? Да что она, одичала?

– Сторан, – с умственным видом пояснила Маня. Положено. Чтобы человек, значит, за свои любезные полное удовольствие получил...

– Ну уж это не дело, не дело, – сказала с осуждением Пелагея и, обращаясь не столько к старухе, сколько к себе, спросила: – Да куда Владик-то смотрит? Он-то как позволяет?

И вот тут-то и посыпалось на Пелагею одно за другим: Владика Маня не видела... На фатере у Альки не была... Как живут молодые – не знает...

– Да чего ты и знаешь-то, – вскипела Пелагея. – Зачем я тебя посылала? Да ты, может, и в городе-то не была?

Нет, в городе, заверила ее Маня, была. И в «сторайи» была. А ежели домой ее Алька не приглашала, то как будешь врать?

– Молодые... – по своему объяснила Алькино негостеприимство Маня. – Не до старухи дело...

Да, не бог весть как много поведала Маня об Альке и ее городском житье-бытье (даже насчет беременности ничего толком не сказала), а вот что значит материнское сердце – успокоилось немного, и Пелагею снова потянуло на жизнь.

Первым делом она все перемыла да перечистила – самовары, рукомойник медный, таз (любила, чтобы все в избе горело), – затем принялась за просушку нарядов.

Нарядов – ситцевых и шелковых отрезов, шалей летних и зимних, платков, платьев, юбок – у Пелагеи были сундуки и лукошки, и для нее не было большей радости, чем летом, в солнечный день, все это яркое, цветастое добро развесить по своей усадьбе.

Нынче из-за болезни Павла наряды не сушили. И вот пришлось это делать сейчас, в самое хмурое время, потому что нельзя откладывать до тепла запросто может все пропасть.

В натопленной избе было жарко и душно, пахло залежалыми ситцами, красками, а Пелагея блаженствовала.

Она вынимала очередной отрез из сундука, шумно разворачивала его, пробовала на ощупь, на нюх, на зуб, затем вешала на веревку, натянутую под потолком.

А по вечерам у нее была другая радость – приходила Маня-большая пить чай, и они разговаривали. Обо всем.

О том, что делается в большом мире, в районе, в своей деревне. Старуха все знала, везде бывала, а уж если начнет топтать да лягать кого – заслушаешься.

Больше всех от Мани-большой доставалось семье Петра Ивановича, ее она терпеть не могла, потому что, как ни старалась, как ни изворачивалась, не нашла лаза в ихний дом, и Пелагея не останавливала старуху. А чего останавливать? Не все в чести ходить Петру Ивановичу, пускай и ему маленько почешут бока. Разговор у них обычно начинался так:

– Ну, видела нашу красавицу? – спрашивала Пелагея?

– Каку?

– Каку-каку... Ясно каку – Антонида Петровну...

Тут темное морщинистое лицо Мани передергивалось, как от изжоги: она почему-то особенно яростно невзлюбила тихую и беззлобную Тонечку.

– Нашла красавицу. Ни рожи ни кожи... Как уклея сухая...

– Нет, нет, Марья Архиповна, – притворно возражала Пелагея. – Не говори так. Неладно. Всем любя Антонида Петровна. Кого хошь спроси...

– Да чего спрашивать-то, когда я сама ошупку сделала! Тут недавно в клуб зашла... Мельтешится с зажигалками...

– С кем, с кем? – переспрашивала Пелагея.

– С зажигалками, говорю, с девчошками-ученицами... И сама-то зажигалка. За пазухой-то небольно. Разве что ватки сунет – какой бугорок подыметя...

– Ватки? – удивленно округляла глаза Пелагея. – Вишь ты, мода-то нынче какая. Ватку за пазуху суют... И красиво с ваткой-то?

Маня дальше не выдерживала – вскакивала, начинала плевать, бегать по избе, а уж насчет речей и говорить не приходится: всю грязь выливали на дочь Петра Ивановича.

Впоследствии, когда Пелагея опять отказала Мане-большой, она частенько и с раскаянием вспоминала эти постыдные разговоры со старухой,

и ей все казалось, что именно за это злоязычие наказал ее бог. И как наказал? Через кого? А через ту же самую Тонечку.

Однажды в полдень, незадолго до Нового года, когда Пелагея развешивала у себя в комнате крепдешиновые отрезы – к этой материи она была особенно равнодушна, – к ней забежала продавщица Окся.

– По плюшевкам скучала – привезли! – с ходу объявила Окся.

Пелагея не знала, как и благодарить Оксю: у всех замужних женщин были теперь плюшевые жакеты, а она три года не может достать. Прошли те времена, когда продавцы сами на дом приносили ей товары.

На улице было холодно, северило, мела поземка, а она бежала легко, без усталости, так, как бегала в лавку раньше.

Она любила ходить в магазин. Для нее это был праздник. Праздник красок и запахов, от которых она просто пьянела. Ну, а что касается полок с мануфактурой, то она перед ними готова была простаивать часами.

Народу в магазине не было, и Окся сразу, без задержки выбросила плюшевую жакетку. Из-под прилавка. Так что Пелагея без слов поняла, какое одолжение делает ей Окся.

Жакет был в самый раз, может, разве чуть-чуть ширил плечи, да тут капризничать не приходилось, раз такой спрос на этот товар.

– А для Альки-то не возьмешь? – спросила Окся. – А то уж бог с тобой, разорься. Подождут другие.

И Пелагея, недолго раздумывая, взяла и для Альки.

В ту, бабью, сторону двигается Алька. И жакет пригодится.

– Спасибо, спасибо, Оксенья Ивановна! За мной не пропадет, в долгу не останусь, – поблагодарила прочувствованно Пелагея и, завязав жакеты в большой плат (нельзя подводить человека, который добро тебе сделал), отправилась домой.

И вот на обратном пути против клуба она и столкнулась с Антонидой Петровной. Идет, сапожками модными поскрипывает, лицо уткнула в белый

пушистый воротник – сто рублей, по словам матери, заплачено – и замечталась, ничего не видит.

Пелагея, как всегда, первая поздоровалась, чем страшно смутила Антонида Петровну, а потом – бес ее толкнул в бок! – не удержалась, развернула плат. Смотри, смотри, Антонида Петровна. Да не заносись больно-то. Еще кое-кто считается с нами.

Жакет Антониде Петровне понравился.

– Симпатичный... – протенькала.

– А вы-то купили? Нет? – поинтересовалась Пелагея.

– Нет... Кажется, нет... – замялась Антонида Петровна и глазки отвела в сторону.

Да ведь она, наверно, зимой-то, когда очки обмерзают, совсем ничего не видит, на ощупь ходит, подумала Пелагея, и ей опять как тогда летом у реки вдруг жалко стало дочь Петра Ивановича.

На Пелагею доброта нахлынула: не подумавши выхватила из плата жакет – красиво, росмахой выиграл черный плюш на белом снегу.

– На, забирай, Антонида Петровна! Я, старуха, и без плюшевки проживу. Чего мне надо.

– Нет, нет, спасибо, что вы...

– Да чего спасибо-то! Что ты, Антонида Петровна... Разве я добра не помню? Разве я без сердца? Петр Иванович сколько раз из беды меня выручал... Нет, нет, Антонида Петровна, бери! И слушать не хочу...

Антонида Петровна совсем растерялась. Завертела каблуком, зашмыгала носиком, потом что-то забормотала насчет того, что плюшевки, мол, сейчас не в моде.

– Как не в моде? – удивилась Пелагея. – У нас который год нарасхват...

– То раньше... Вы, пожалуйста, извините меня, Пелагея Прокопьевна, но эти жакеты в магазине висят с лета прошлого года...

Тихо, с запинкой, из мехового воротника пролепетала эти слова Тонечка, а Пелагея пошатнулась от них.

* * *

Плюшевки все-таки у нее взяли обратно – до самого председателя сельпо дошла.

Но это для нее был удар. Удар страшный. И не то ее повергло в изумление, что ее надули. Нет, об этом она не думала, это она приняла как должное – всегда кто-нибудь кого-то надувает. Покоя ей не давало другое – то, что она так легко опростоволосилась, попала в ловушку к этой Оксе. Значит, говорила она себе, ты уж не в ладах с жизнью, выпала из телеги. А как же иначе? Лейтенант приезжий надул, эта стерва надула... Да как тут жить дальше?

Прошли, прошли ее денечки, и Петр Иванович, видно, не зря скинул ее со своего воза. Отстала. Вышла из моды.

Как те плюшевки, на которые накинута сегодня...

Дома на веревках висели яркие пахучие отрезки крепдешина – ее любимой материи, а в раскрытом лукошке еще отреза два было не разобрано. А она сидела у стола, не раздеваясь, в той самой одежде, в которой ходила в магазин, и – ни-ни – пальцем не пошевелила. И даже не поглядела.

Она думала. Думала об этих злополучных жакетах, которые не могла достать три года, думала об отрезках и о тех, что висели на веревках, и о тех, которые были в сундуках. Думала о прожитой жизни. Господи! На что ушла ее жизнь?

Жарилась, парилась у раскаленной печи, таскала ведрами из-за реки помои, выкармливала поросят, недосыпала, мужу отдыха не давала – и ради чего? А ради вот этих крепдешинов да ситцев, ради всего того, что нынче тряпками зовется... Да, да, тряпками. Зачем себя обманывать?

Пелагея вдруг зло расплакалась. А кто, кто виноват, что эти тряпки застили ей и жизнь, и мужа, и все на свете? Разве виновата она, что треть жизни своей голодала?

В тридцать третьем году у кого померли отец и брат с голодухи? А во время войны? А после войны, когда на ее глазах исчах ее сын, ее первенец? И

был один во все эти годы товар, на который можно было достать кусок хлеба, – тряпки. Потому что люди в те годы обносились донельзя.

Ну и чему же дивиться, что она, как только стала на пекарню, начала обеими руками загребать мануфактуру?

Годами загребала, не могла остановиться. Потому что думала: не ситец, не шелк в сундуки складывает, а саму жизнь. Сытные дни про запас. Для дочери, для мужа, для себя...

С этого дня Пелагея опять слегла.

Всю зиму болела Пелагея. Правда, лежкой лежала немного, все помаленьку топталась, но работать не могла.

Да у нее, если говорить откровенно, теперь и сердце к работе не лежало...

От Альки изредка приходили письма. Короткие, неласковые – поклоны да "живу хорошо". А как хорошо? Одна? С Владиком? И сколько ни кричи – не докричишься. Как в глухом лесу.

Как-то зимой, недели две спустя после Нового года, к ней зашел Сережа Петра Ивановича – пьяный, еле на ногах стоит.

Сережа нравился Пелагее – простой, бесхитростный, – и она не ради Петра Ивановича, а ради самого Сережи стала вразумлять его: нехорошо, мол, Сергей Петрович, так за воротник закладывать, рано тебе еще с бутылкой дружить...

– Рано? – вспыхнул Сережа и задиристо, совсем как заправский пьяница, ударил себя кулаком в грудь. – А ежели у меня настроения нет? А ежели у меня душа со своей орбиты сошла?

– Да чего твоей душе надо? Человек с высоким образованием, у всех на виду, здоровьем, слава богу, не обижен – чего еще пытаться судьбу?

– Не понимаешь ты, Пелагея... Не понимаешь...

Да, Пелагея и в самом деле не понимала, из-за чего мучается человек. И добро бы он один, Сережа, а то ведь нынешняя молодежь только и знает, что на настроение жалуется. А почему? Отчего? Нет, ей, Пелагее, в их годы было

не до настроений. Дай бог кусок хлеба добыть. Да с ними тогда и не церемонились. Утром в лес не вышел, а к вечеру тебя уж в суд повели.

– Не в отца ты, Сережа, не в отца, – сказала Пелагея. – Нету у тебя отцовской хватки...

– И слава богу! – петухом вскинул голову Сережа.

А чего же петушиться? Отец-то себя и с малой грамотой вон как в жизни поставил. А ежели ему бы да такое образование, как у сына!

– Жениться тебе надо, Сережа, – посоветовала Пелагея. – Да жену бери покрепче себя. Без настроений...

– Не буду я, Пелагея, жениться. Вовек! – наотрез заявил Сережа.

– Ну уж это не дело, Сергей Петрович, не дело... Надо жениться. Тогда и с бутылкой скорее расстанешься...

– Не буду! – опять с пылом вскричал Сережа. – У меня сердце разбито... Вдребезги!

– Да кто его разбил?

– Кто? Эх! – Сережа пьяно замотал головой, потом вдруг вскочил на ноги, забегал по избе, и только по тому, как он со вздохом посмотрел на переднюю стену, где рядом с зеркалом висела увеличенная Алькина карточка, Пелагея поняла, кого он имеет в виду.

Она, конечно, не очень верила Сережиным вздохам, мало ли куда занесет человека во хмелю. Но дочери написала: так и так, мол, Алюшка, дорога тебе домой не заказана. Заходил Сергей Петрович, хорошо говорил о тебе...

А Алюшка на это ответила: "Плевать я хотела на твоего Сергея Петровича!" Да еще добавила: "Хватит с меня и того, что ты всю жизнь на Петра Ивановича молишься..."

После этого Пелагея долго не могла успокоиться. Да что же это такое? – говорила она себе. Как жить дальше?

Ведь что бы она ни сделала, все невпопад, все мимо...

Но не Алькино письмо сокрушило Пелагею. Сокрушила Пелагею пекарня.

* * *

Ее давно тянуло на пекарню. Считай, еще с осени, с той самой поры, как заболела.

Думала: стоит только увидеть ей свою пекарню да подышать хлебным духом – и сразу хворь пройдет, сразу прорежется дыханье, И вообще она в жизни ни о чем и ни о ком так не тосковала, как о пекарне. Даже об Альке, родной дочери.

Первый раз за реку Пелагея отправилась было еще в феврале, когда впервые после долгой метели заледенелые окошки вызолотило красное солнышко. Но дальше спуска возле сельсовета не ушла. Из-за стужи. Из-за снежных заносов. Страхи страшные, что намело. У сельсовета, под угором, на чистом месте лошади по брюхо ныряют – так что же говорить о ней, хворой бабе?

И вот дождалась она первой затайки.

Утром встала ни свет ни заря. Чистая, благостная – вечером накануне специально ходила в баню, будто к богомолью готовилась. Из дому вышла с батожком – тоже как богомолка. И люди попадались ей навстречу какие-то благостные, просветленные.

Антоха-конюх догнал на санях перед самым спуском к реке – когда бы раньше остановился? А тут натянул вожжи:

– Ты ли это, Прокопьевна? – Да мало того, соскочил с саней, руки к ней протянул: – Нутко, поедем вместе. Скользко спускаться. – И так по-хорошему улыбнулся.

Пелагею до слез прошибла Антохина доброта. Она поблагодарила его, но на сани не села.

Всю дорогу какая-то незнакомая, но такая славная музыка нарастала в ее душе – так разве оборвет она ее сама?

И она легким осиновым батошкой, который специально раздобыла где-то Маня-большая, щупала отмякшую дорогу, ловила губами теплый южный ветер, порывами налетавший из-за реки, и все ковыляла и ковыляла помаленьку туда, к желтому бревенчатому зданию на угоре среди сосен...

Зато уж домой она шла как пьяная, вся в слезах, не помня себя... И хорошо, на реке ей опять повстречалась подвода – на этот раз бригадир из соседней деревни ехал, – а то бы пропадать ей, ни за что бы не добраться до дому....

Огорчения для Пелагеи начались, едва она подошла к пекарне. Помойка. Возле самого крыльца. Две вороны роются...

– Да куда это власти-то смотрят? – возмутилась она. Почему медицина-то спит? Нет, бывало, особенно в голодные годы, каждую неделю к ней фельдшер навещался. Или сейчас и фельдшера перестали ходить на пекарню, раз сыты?

Она поднялась на крыльцо, открыла наружную дверь – и того чище: поросенок. Бросился ей под ноги с визгом, будто спасаясь от ножа.

– Да как же так? – опять с недоумением спросила себя Пелагея. Она, бывало, руки выворачивала, таская домой помой, да с опаской, а тут прямо на виду у всех кормят поросенка. И опять она подивилась недосмотру санитарии. Навоз, грязь, вонь от поросенка – да как его можно терпеть рядом с хлебом?

Но это еще все были цветочки, а ягодки-то пошли, когда она переступила порог пекарни. Господи! Куда она попала? В сарай грязный? В старую башню из-под силоса? В хлев? Все немыто, засалено, в окошке веник торчит – вот отчего весны на пекарне нету.

Но больше всего Пелагею поразило помело.

Бывало, чтобы хлеб духовитее был, чего только она не делала! Воду брала на пробу из разных колодцев, дрова смоляные, избави боже – сажа; муку, само собой, требовала первый сорт, а насчет помела и говорить нечего. Все перепробовала: и сосну, и елку, и вереск. А тут вместо помела рогожина.

Черная, обгорелая рогожина, намотанная на длинную палку и погруженная в грязное ведро с водой...

Улька-пекариха стала угощать Пелагею чаем – только что сама села за стол, управившись с печью, а Пелагею едва не стошнило от одного Улькиного вида. Потная, жирная, волосы немые блестят, будто она век в бане не бывала.

И Пелагея, так и не присев, вышла. А на нечищенный самовар и рукомойник, на печь грязную, ни разу не беленную после ее ухода, она не посмела бросить даже прощальный взгляд. Потому что все ей казалось, что и самовар, и рукомойник, и печь с тоской и укором смотрят на нее...

За окном кипела весна.

Всю зиму смотрела Пелагея на мир через копеечный глазок, продутый в обледенелой раме, а теперь половодье света заливало избу. Жить бы, шагать по оттаявшей земле босыми ногами да всей грудью вдыхать теплый ветер из заречья. А она лежала, и дыхание у нее было тяжелое, взхлеб, с присвистом. Точь-в-точь как у старых дырявых мехов в кузнице.

В доме, как в дни болезни Павла, хозяйничала Анисья.

Пришла сама.

Но Пелагея не разговаривала с золовкой и не скрывала, что не любит ее. А за что же ее любить, когда она со всей семьи здоровье собрала? Умер молодым Павел, она, Пелагея, может, при смерти лежит, а этой ничего не дается – все рожа заревом. Нет, если бы Маня-большая была немного почище на руку, она бы и дня не терпела возле себя этой здоровенной бабищи. Да что поделаешь – Маня стала прицеливаться к хозяйкиному добру, когда хозяйка еще на ногах стояла.

Однажды поздно вечером – уже белые ночи на землю пали – к ней зашел Петр Иванович.

Сколько времени прошло с похорон Павла, с того дня, как они последний раз виделись? Года не будет. А Петра Ивановича так укатало, что она едва и признала его.

Осел, лицо запаршивело (кто видал его небритым?), в глазах – глянул – тоска волчиная. Но и это еще не все.

Петр Иванович был под хмельком – вот что особенно удивило Пелагею. Слыхано ли, видано ли было такое раньше?

Тем-то и силен был Петр Иванович, что власти над собой кину не давал. Выпивать, конечно, выпивал, без этого нельзя, раз всю жизнь с начальством, но не качнется – столб железный. А тут от порога шагнул, так и обнесло – кулем шмякнулся на прилавок к печи.

– Зашел проведать. Болееешь, говорят.

– Болею, – ответила Пелагея.

Она попыталась встать: гость пришел, и гость немалый, – но Петр Иванович замахал рукой: лежи, не надо.

Первым словам Петра Ивановича она не придала значения. Петр Иванович, как всегда, заговорил петляво, издалека: о колхозных делах, о том, что в колхозе сейчас жить можно, очень даже неплохо зарабатывает народишко. К примеру, Оська-пастух. Кто когда за человека считал? А ведь о прошлом годе за один сентябрь месяц двести с лишним рублей огреб.

– Да, так вот ноне, – вздохнул Петр Иванович. – А мы с тобой вроде и неглупые люди, а держали когда такие деньги в руках?

Пелагея кивала в ответ головой: все так, все это она и сама не раз передумала за время болезни – большие перемены в жизни – и нетерпеливо ждала, когда же Петр Иванович заговорит о деле. Ведь не за тем же пришел, чтобы обсудить с ней колхозные дела?

– Не вовремя мы с тобой родились, вот что, – продолжал Петр Иванович. Поторопились малость. Вот Алька твоя, та в пору... Письма-то ходят?

У Пелагеи часто-часто забилося сердце: куда это он клонит? Не с Алькой ли что стряслось? Но ответила спокойно, не выдавая своего волнения.

– Ходят, – сказала она.

– А домой-то не собирается? Не нажилась еще в городе? Не знаю, я так не уважаю городскую жизнь. Угоришь там от этого чада да шума...

– Да ведь угоришь не угоришь, – опять спокойно ответила Пелагея, – а надо жить. Не одна теперь, о двух головах.

Петр Иванович похрустел пальцами – знакомая привычка: всегда так, когда на что-нибудь решается, и вдруг хватил ее дубиной по голове:

– Имею сведенье: не живет она с этим военным... Одна живет...

По правде говоря, для Пелагеи это не было полной неожиданностью. Где-то в душе она и сама догадывалась, что у Альки по семейной части не все ладно. Но одно дело ее собственные догадки и другое – когда дочь твою валяют в грязи чужие люди. И она, несмотря на всю свою слабость, как зверь, кинулась на защиту родного детища.

– А хоть бы и одна, дак что! – с вызовом сказала Пелагея. – Моя дочь не пропадет. Ина березка и с ободранной корой красавица, а ина и во девичестве сухая жердина...

Намек был страшный – самый тупой человек догадался бы, что она хочет сказать. И она вся внутренне похолодела, даже дышать перестала: лежала и ждала, с какой стороны еще раз оглушит ее Петр Иванович.

А Петр Иванович молчал. Долго молчал. Потом Пелагея приподняла голову и совсем растерялась: у Петра Ивановича в глазу блестела слеза.

Заговорил он тоже необычно: Паладьей ее назвал. По-домашнему, по-деревенски, так, как звал ее когда-то покойный отец.

– Паладья, – сказал каким-то глухим, не своим голосом Петр Иванович. Я тебя выручал? Не забыла еще?

– Выручал, Петр Иванович... как забыть...

– Ну, а теперь ты меня выручи... Помоги... Ради бога, помоги...

Пелагея едва не задохнулась от удивления. Она еще из знала, о чем ее просят. Но кто просит? Петр Иванович... Ее, Пелагею...

– Парень у меня погибает... – через силу выдавил из себя Петр Иванович.

– Сережа? Да с чего ему погибать-то? С высоким образованием, в почете...

Петр Иванович безнадежно махнул рукой:

– Змий этот зеленый сосет, вот что... – Потом вдруг шагнул к кровати, дрожащей рукой схватил ее за руку. – Ты бы написала Альке... Чего ей там на чужой шататься стороне... Может, и получилось бы дело...

Так вот оно что, поняла наконец все Пелагея, Алькой спастись хочет... Чтобы Алька взяла в руки Сережу... Вот зачем пришел...

Темное, мстительное чувство захлестнуло ее. Она искоса глядела на небритый, вздрагивающий подбородок с ямочкой посредине, на жалкие стариковские глаза, размягченные родительской слезой, и только теперь, только сию минуту поняла, как она ненавидит этого человека. Ненавидит давно, с того самого дня, когда он насчитал на нее пять тысяч рублей.

Господи, она с ума сходила из-за этих пяти тысяч, ночей не спала, чуть ли не в прорубь нырнуть хотела. А он, ирод проклятый, вишь, молодую бухгалтершу проучить решил. Чтобы нос не задирала. А заодно чтобы и хлеб даровой с пекарни получать. Да, да, хлеб! Погрел он руки от нее. Без булки белой за чай не садился. А за что? За какие такие милости? За то, что в компанию свою ввел, с хорошими людьми за один стол посадил? Да пропади она пропадом и компания евоная, и хорошие люди! Всю жизнь она тянулась к этим хорошим людям, мужика своего нарушила и себя не щадила, а чего достигла? Чего добилась? Одна... Наскрозь больная... Без дочери... В пустом доме...

И ей хотелось крикнуть в лицо Петру Ивановичу: так тебе и надо! На своей шкуре опознай, как другие мучаются...

Но вслух она сказала:

– Ладно, напишу. Может, и послушается...

Пелагея плохо помнила, как ушел от нее Петр Иванович. Ее душил кашель, она задыхалась. И в то же время ей было необычно хорошо. Хорошо до слез, до знойного жара в груди. И она хватала запекшимися губами

избыной воздух и все больше и больше распаяла свое воображение надеждами. Теми радужными надеждами, которые заронил в нее Петр Иванович.

Она не сомневалась – придет Алька. Ведь не дура же она круглая. Как не понять, что это счастье. Правда, сам Сереженька, может, и не ахти что, хоть и инженер, да зато отец всем кладам клад. Ах ты господи, говорила мысленно себе Пелагея, в одной упряжке с таким человеком шагать... Да ведь это каких дел можно наворочать!

На какое-то мгновение она потеряла сознание, а потом, когда пришла в себя, ей показалось, что она стоит у раскаленной печи на своей любимой пекарне и жаркое пламя лижет ее желтое, иссохшее лицо.

Она задыхалась. Ей было нестерпимо жарко.

На пол, на пол надо, по старой привычке подумала она.

Крашенный пол хорошо вытягивает жар из тела...

Так лежащей на голом полу возле кровати и нашла ее наутро Анисья. Она бросилась поднимать ее. И вдруг отшатнулась, встретившись с неподвижным, остекленевшим взглядом.

Альки на похоронах не было – с открытием навигации она плавала буфетчицей на одном из видных пассажирских пароходов, ходивших по Северной Двине.

Приехала Алька лишь неделю спустя и первым делом, конечно, оплакала дорогих родителей, справила по ним поминки небывалые, неслыханные по здешним местам.

Чуть ли не всю деревню посадила за стол.

Потом два дня у Альки ушло на распродажу отрезов, тряпья, самоваров и прочего, добра, нажитого матерью.

А на пятый день Алька заколотила дом на задворках, возложила прощальные венки с яркими бумажными цветами на могилы отца и матери и к вечеру уже тряслась в районном автобусе. Ей не хотелось упустить веселое и выгодное место на пароходе.